

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

Археографический ЕЖЕГОДНИК за 2011 год

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

I. Статьи и сообщения

Р.Г. Пихоя. “Архивная революция”: Двадцать лет спустя. Часть 3	4
С.Г. Кащенко (Санкт-Петербург). Массовые источники по истории крестьянской реформы 1861 г.: Новые тенденции в применении компьютерных технологий и математико-статистических методов	23
С.С. Илизаров. Последний проект М.В. Ломоносова (по документам Российского государственного архива древних актов)	34
С.М. Каштанов. К изучению Летописного лицевого свода Ивана Грозного	57

* * *

Д.М. Володихин. Русский воеводский корпус полевых соединений при Федоре Ивановиче (1584–1598 гг.)	80
С.М. Каштанов. Еще раз о месте захоронения останков Степана Разина	90
А.Н. Сидорова. “Царь и Президент: Александр II и Авраам Линкольн”: Из опыта выставочной работы Государственного архива Российской Федерации	118
Д.Д. Лотарева. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы	123
Э.П. Федосова. “Привезенный материал может служить для написания истории...”	167
Я.Е. Смирнов (Ярославль). В.О. Ключевский и ярославцы (Материалы к истории творческих и научно-педагогических связей историка с русской провинцией)	177
В.И. Ульяновский (Украина, Киев). “Опыт русской историографии” В.С. Иконникова в контексте его творчества, самоанализа и оценках современников (К 170-летию со дня рождения ученого)	208
М.А. Робинсон. С.Ф. Платонов в переписке филологов 1920-х годов	242
М.Ф. Шумейко (Беларусь, Минск). Г.В. Киселев как археограф и текстолог	250
В.Ю. Афиани. Б.И. Козлов – историк и организатор науки	256
Е.В. Пчелов. Г.И. Королев – археограф, геральдист, краевед (К 75-летию со дня рождения)	262

Материалы пленарного заседания Археографической комиссии РАН 2010 года памяти М.К. Любавского

А.Я. Дегтярев. Академик М.К. Любавский: грани творчества	267
К.Ю. Ерусалимский. Литовско-Русское государство, Московская Русь и миграции в исторической концепции М.К. Любавского	271

<i>А.В. Топычканов. Формирование историко-географических представлений М.К. Любавского в контексте развития исторической географии в России</i>	291
<i>Т.И. Хорхордина. М.К. Любавский и архивы</i>	302

Тихомировские чтения 2011 года

“Отмена крепостного права: подготовка, проведение и результаты. Источники и исследования (К 150-летию Крестьянской реформы 1861 года)”

<i>Н.А. Комочев. Хроника заседания</i>	308
--	-----

Пленарное заседание Археографической комиссии РАН 2011 года «Проблемы актовой археографии (К 175-летию издания первого тома “Актów Археографической экспедиции”)»

<i>Н.А. Комочев. Хроника заседания</i>	312
<i>В.П. Козлов. Заметки о прошлой и современной археографии</i>	317
<i>С.В. Чирков. К истории издания “Архива П.М. Строева”</i>	320
<i>Ю.М. Эскин. Археографическая деятельность РГАДА на рубеже тысячелетий</i>	330
<i>А.В. Антонов. О подготовке в РГАДА издания “Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века”</i>	337
<i>О.В. Новохатко. История публикации вотчинного архива А.И. Безобразова</i>	341
<i>О.И. Хоруженко. Современные принципы публикации актов Литовской метрики</i>	347
<i>Н.А. Комочев. К составлению каталога царских жалованных грамот XVII в.</i>	364
<i>Е.Н. Швейковская. Акты имущественных сделок крестьян Русского Севера XVII в.</i>	383

II. Обзоры, описания, библиография

<i>А.И. Раздорский (Санкт-Петербург). Таможенные и кабацкие книги XVII–XVIII вв. в фонде Денежного стола Разрядного приказа</i>	391
<i>М.Ф. Шумейко (Беларусь, Минск). Материалы личного архивного фонда В.Я. Богучарского как источник по истории создания литературного Дома-музея им. Л.Н. Толстого в Петербурге</i>	412
<i>П.А. Трибунский. Обзор фонда П.Н. Милюкова в архиве Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына</i>	421
<i>А.В. Топычканов. Конская торговля Москвы XVII века (о публикации новых источников)</i>	426
<i>Список печатных трудов Е.Н. Швейковской (К 70-летию со дня рождения)</i>	428
<i>Библиография авторефератов диссертаций по историческим наукам, защищенных в диссертационных советах РГГУ в 1997–2011 гг. (К 80-летию МГИАИ и 20-летию РГГУ) (подгот. Л.В. Тропкина, Т.Е. Зайцева, А.Б. Коровкина)</i>	436

III. Публикации

<i>Реестр архива Касимовского царства (подгот. Д.И. Алексеева)</i>	445
<i>Выпавшие страницы из дневника В.О. Ключевского (подгот. Р.А. Куреева)</i>	452
<i>Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину. 1942–1945 гг. (подгот. В.Г. Бухерт)</i>	455
<i>Неопубликованный доклад Н.Г. Бережкова о “Петре Николаевиче Миллере” (подгот. С.А. Уваров)</i>	480

IV. Хроника

Деятельность Археографической комиссии в 2011 году	485
Новые издания Археографической комиссии в 2011 году	486
<i>А.Л. Лифшиц.</i> 60-летие Анатолия Аркадьевича Турилова.....	486
<i>А.Л. Лифшиц.</i> «“Азиатская Баниза” – европейский бестселлер эпохи барокко»: Хроника международной конференции во Фрайбурге.....	487
<i>Т.И. Хорхордина, А.В. Попов, Т.С. Волкова.</i> Евгений Васильевич Старостин (1935–2011)	489
Юрий Николаевич Амиантов (1930–2011)	496
<i>Ю.В. Андрюшайтите.</i> Римма Валентиновна Костина (1929–2011).....	498
<i>Е.В. Белякова.</i> Ярослав Николаевич Щапов (1928–2011).....	501
<i>А.Л. Лифшиц.</i> Ольга Александровна Князевская (1920–2011)	505
Принятые сокращения	507

Научное издание

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК за 2011 год

*Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения
Российской академии наук*

Редактор *М.М. Леренман.* Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова, Т.А. Печко,*

Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Компьютерная верстка *Н.В. Мелковой*

Подписано к печати 03.06.2014. Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 41,6. Усл.кр.-отг. 41,6. Уч.-изд.л. 49,0
Доп. тираж 210 экз. Тип. зак. 3253

Издательство “Наука” 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

Д.Д. Лотарева

**КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ АРХИВ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МЕТОДОВ РАБОТЫ**

Ничто не пропадает в истории.
Доказательство тому – работа, проделанная нами.

И.И. Минц

(Из выступления в АК АН СССР, июнь 1984 г.)

В 1960 г. Институт истории АН СССР переместился с Волхонки в новое здание на ул. Дм. Ульянова. Вскоре после этого по распоряжению директора Института чл.-корр. АН СССР В.М. Хвостова сюда же из санатория “Узкое” и из подвалов зданий на ул. Вавилова был перевезен архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны (далее – Комиссия). Бывшие сотрудники Комиссии восприняли это как спасение бесценных материалов, сохранивших живые голоса участников Великой Отечественной войны¹.

Их энтузиазм был тем более понятен, что к тому времени результаты деятельности Комиссии были вытеснены за рамки сложившихся подходов к изучению войны, сглаживавших трагические моменты и провалы, и оставались невостребованными. В дальнейшем это привело к тому, что Комиссия была основательно забыта. Между тем это был выдающийся историко-документальный проект – последний в цепи грандиозных советских начинаний такого рода (“История партии”, “История фабрик и заводов”, “История Гражданской войны”). Объем выполненной в экстремальных условиях военного времени работы впечатляет всех, кто сталкивается с архивом Комиссии, в котором хранятся многие тысячи листов стенограмм бесед с непосредственными участниками боевых действий, партизанами и мирными жителями, пережившими оккупацию. Хотя бы по этой причине история Комиссии, методика ее работы, а также собранные материалы заслуживают всестороннего изучения.

Комиссия была создана по инициативе академика Исаака Израилевича Минца в декабре 1941 г. В 1942–1948 гг. она и ее архив находились в по-

¹ Об этом рассказала в 1984 г. сотрудница Института Н.С. Трусова, что зафиксировано в аудиозаписи встречи сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, которая состоялась 28 июня 1984 г. на заседании Археографической комиссии АН СССР. См.: РГАФД. Ф. 439. (Российский государственный архив фонодокументов). Оп. 4м. Д. 1–2 (далее – Аудиозапись)). Н.С. Трусова была членом Комиссии в 1942–1945 гг., заведовала ОРФ Института истории в 1963–1969 гг. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 10 (Институт истории СССР АН СССР). Оп. 5. Д. 29. Местонахождение основного массива документов из архива Комиссии после переезда Института на ул. Дм. Ульянова подтверждается сведениями из отчета Н.С. Трусовой. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 5. Д. 29. Л. 132.

мещениях д. 9 по ул. Коминтерна², которые занимал секретариат главной редакции “История Гражданской войны (ИГВ)” ОГИЗ. И.И. Минц, являвшийся ответственным секретарем этой редакции в 1931–1949 гг.³, прилагал огромные усилия для того, чтобы собранные сотрудниками Комиссии материалы аккумулировались именно в секретариате редакции ИГВ. Они хранились там даже после того, как Комиссия в 1946 г. была преобразована в Сектор истории Великой Отечественной войны⁴, а в 1947 г. – в Сектор истории советского общества Института истории АН СССР.

Весной 1948 г., после череды сложных и даже трагических для Минца и его учеников и ближайших сотрудников событий⁵, архив Комиссии перевезли в здание, где располагалась главная редакция ИГВ (ул. Горького, ныне Тверская, 10)⁶. Затем, в сентябре 1948 г., он был передан в Институт истории и стал базой для создания Отдела рукописных фондов (ОРФ)⁷. Сам Исаак Израилевич вынужден был прекратить работу в Институте. Переезд архива в новое здание Института истории по времени совпал с возвращением в Институт академика Минца, который стал работать в нем на общественных началах⁸, а с 1961 г. – на постоянной основе. Однако архив и деятельность Комиссии по-прежнему оставались в тени.

И здесь необходимо отдать дань уважения научным сотрудникам АК АН СССР, которые в первой половине 1970-х годов первыми обратили внимание на выдающиеся достижения Комиссии. Благодаря публикациям в АЕ результаты ее работы начали входить в научный оборот.

² В 1946 – начале 1990-х годов – ул. Калинина и проспект Калинина. Ныне ул. Воздвиженка.

³ И.И. Минц был освобожден от должности ответственного секретаря 11 апреля 1949 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б). См.: *Сонин А.С.* Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. С. 551. В опубликованной дневниковой записи Минца это событие датировано 18 июля 1947 г. (“в связи с переходом на договорные отношения”). См.: “Из памяти выплыли воспоминания...”: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика И.И. Минца / сост., авт. коммент. В.Л. Телицын. М., 2007 (далее *Минц И.И.* Из памяти...). С. 82. Несовпадение дат составителем не прокомментировано.

⁴ Этот сектор необходимо отличать от Военно-исторического сектора, который был создан в Институте истории в 1944 г.

⁵ И.И. Минц был вынужден уйти из Института в 1948 г. из-за развернувшейся против него и его учеников кампании, организованной А.Л. Сидоровым (об этом см.: *Тихонов В.В.* “...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней”: разгром “группы” историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний “позднего сталинизма” // *ИВ: Исторические исследования. Электронный журнал.* 2013. № 2 // http://e-notabene.ru/hr/article_701.html версия 06.07.2013. Подробности можно также найти в книге: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 552, 554, 556.

⁶ Отчет главного библиографа сектора истории советского общества М. Барышевой за второе полугодие 1948 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 453. Л. 29, 30–30 об.; Докладная записка зав. ОРФ Института истории С.В. Мусиной. 1949 г. (Там же. Ф. 2. Дело фонда. Без пагин.).

⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 1.

⁸ См.: приказ № 59 по ИИ АН СССР от 17 марта 1960 г.: “Старшего научного сотрудника, академика И.И. Минца с 16 марта с.г. числить на основной работе в Институте истории АН СССР. Заработную плату выплачивать после завершения учебной работы и освобождения его от обязанностей зав. кафедрой МГПИ им. В.И. Потемкина” (Ф. 10. Оп. лс. Д. 9. Л. 44).

Развивая эту традицию, в настоящей статье мы осветим историографию Комиссии, попытаемся отчасти восполнить имеющиеся пробелы, описав разнообразные источники реконструкции деятельности Комиссии, цели И.И. Минца при ее создании, этапы становления и работы, драматические обстоятельства ликвидации. Также мы постараемся показать, что методика сбора материала и формирование архива вытекали из целей Минца. Коснемся также и причин забвения Комиссии и не востребоваваемости собранных ею свидетельств.

Первым археографом Комиссии стал А.А. Курносков. Ему принадлежит важная для осмысления работы Комиссии статья “Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: Организация и методика собирания”⁹. Позднее в соавторстве с заведующей ОРФ Н.С. Архангородской (заняла эту должность в феврале 1974 г.) он опубликовал исследования “О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования)”¹⁰ и «“Истории воинских частей” в фонде Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР»¹¹.

В этих работах были освещены и история создания Комиссии, и все стороны ее деятельности; также кратко показана методика работы и принцип систематизации материалов в архиве, рассказано о работе республиканских Комиссий, деятельность которых инициировал И.И. Минц. Этих же вопросов бегло касались и другие исследователи, писавшие о Комиссии¹².

Так, А.М. Самсонов в статье “Вклад историков АН СССР в изучение проблем Великой Отечественной войны” утверждал, что именно с деятельности Комиссии началось изучение войны, были заложены основы ее историографии, разработана методика сбора материала¹³.

Достаточно подробно деятельность Комиссии была освещена в статье сотрудников Комиссии, учеников Минца Л.М. Зак и Е.Н. Городецкого “Академик И.И. Минц как археограф (к 90-летию со дня рождения)”¹⁴. Ими

⁹ АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 118–132.

¹⁰ АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 219–229.

¹¹ АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 174–181.

¹² См., в частности: Крууе Х.Х. История – спутница народа в Великой Отечественной войне // ВИ. 1971. № 5. С. 123–129; Левшин Б.В. Деятельность Комиссии по истории ВОВ: 1941–1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 312–317; Михайлова Е.П. О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941–1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюз. конф. преподавателей историографии СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов, Смоленск, 31 янв.–3 февр. 1973 г. Смоленск, 1975. С. 352–359; Кондратенко О. Наукова діяльність Комісії по історії Вітчизняної війни на Україні АН УРСР (1945–1950 рр.) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 29–38; Батурина С.С. Памяти Федора Павловича Шевченко // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 534–541; Она же. Археографическая деятельность Ф.П. Шевченко в Комиссии по истории Отечественной войны при АН УССР // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 121–123; Тихонов В.В. Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. академика И.И. Минца как исторический источник // Российское государство: истоки, современность, перспективы: Материалы Межрегион. историко-патриотич. науч. конф. Липецк, 8 июня 2012 г. Липецк, 2012. Ч. 2. С. 32–40.

¹³ На основных направлениях науки. 1981. № 9. С. 85.

¹⁴ АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 131–142.

отмечена преемственность принципов работы редакции ИГВ и Комиссии: собирание документальных материалов, объединение сил не только историков, археографов и архивистов, но и писателей, художников, полиграфистов для создания книги, доступной широким кругам читателей-специалистов. Подчеркивается, что еще в секретариате ИГВ стали создавать фактографические картотеки на основе документов, данных прессы и различных изданий, как отечественных так и зарубежных, что позволяло изучать события системно. Этот же метод применялся и в Комиссии. Авторы указывают на принципиальный интерес Минца к повседневным подробностям жизни героев исторических событий. Именно он учил своим примером сотрудников Комиссии налаживать контакт с собеседниками, кем бы они ни являлись. Главным методическим принципом сбора материала было правдивое, не лакированное отражение действительности. Кроме того, Минц настаивал на том, что мысли, чувства и переживания человека, бойца являются огромной ценностью для историка.

Серьезный анализ методической работы Комиссии по сбору материалов о Великой Отечественной войне осуществила в 1991 г. М.М. Альтман в своей кандидатской диссертации “Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Из опыта работы ЦГА СССР и государственных архивов РФ”. Она подчеркнула особое место Комиссии в деле организации целенаправленного поиска, собирания и использования фронтовых документов, а также масштаб и уровень ее деятельности¹⁵.

Однако многие вопросы деятельности Комиссии в вышеуказанных работах были освещены недостаточно, например, история создания Комиссии, использование методов работы, заложенных еще писателем Максимом Горьким при создании “Истории фабрик и заводов”¹⁶ и “Истории Гражданской войны”, приемы обработки стенограмм, завершение работы Комиссии. В частности, в статье Курносова и Архангородской утверждается, что создание Комиссии явилось ответом на “социальный заказ”, “общественную потребность в исторических учреждениях, которые собирали бы свидетельства участников войны и с целью их непосредственного использования в политической и воспитательной работе и, главное, для будущих исторических исследований”¹⁷. Сегодня такое объяснение причин возникновения Комиссии, при всей его важности, все же выглядит недостаточным.

Постепенно эти пробелы заполняются. При этом фокус исследований о Комиссии сместился от общих описаний к попыткам интерпретировать ее работу в свете особенностей развития исторической науки в СССР

¹⁵ Альтман М.М. Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Из опыта работы ЦГА СССР и государственных архивов РФ: Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. На правах рукописи. М., 1991. Машинопись. С. 73.

¹⁶ Об этих методах см.: Журавлев С.В. Феномен “Истории фабрик и заводов”: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. С. 7.

¹⁷ Архангородская Н.С., Курносов А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования) // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 222.

в 1940-е годы. В частности, в статье В.В. Тихонова “Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров vs И.И. Минц (1949 г.)” описаны события, ознаменовавшие фактический конец деятельности Комиссии¹⁸. Он же опубликовал письма члена Комиссии историка В.И. Шункова¹⁹ к А.Л. Сидорову, также работавшему в Комиссии²⁰. Письма являются важным источником сведений о внутренних идейных разногласиях в коллективе Комиссии.

Также необходимо отметить исследования, в которых показана ценность стенограмм интервью участников боевых действий с точки зрения создания фактической истории войны.

Первой работой такого рода можно считать статью Е.В. Васневской “Воспоминания-интервью о битве под Москвой”²¹. В ней проанализирован весь корпус стенограмм, собранных сотрудниками Комиссии в 1942–1947 гг., выделены комплексы интервью, взятых в различных воинских подразделениях, определены характерные особенности этих комплексов. Подчеркивается, что на основе этих стенограмм предполагалось написание историй боевых частей. Однако в целом работа Васневской носит описательный характер.

Необходимо отметить, что стенограммы бесед, проведенных сотрудниками Комиссии, отложились в архиве не только Комиссии, но и других учреждений, в частности, райкомов ВКП(б) Москвы. В 1995 г. отрывки из этих интервью были опубликованы в книге “Москва прифронтовая”. В них рассказывается о деятельности партийных работников, учителей, врачей во время наступления немецких войск на Москву. В частности, приводятся выдержки из беседы со вторым секретарем Кировского РК ВКП(б) В.И. Кармановым о создании дивизий народного ополчения, эвакуации населения (беседу провели 29 июня 1943 г. научные сотрудники Комиссии Е.М. Грицевич и О.В. Крауз)²². Интервью сотрудников райкомов долгое время хранились в спецхранах в силу своей искренности и правдивого освещения подлинных событий истории Москвы периода осени 1941 г.²³ Выдержки из стенограмм приводятся также в сборнике “Москва военная”²⁴.

Очень перспективной представляется публикация К.С. Дроздова “Героев было не только двадцать восемь”²⁵. Автор на основе интервью, взятых в 1942–1948 гг. у бойцов и командиров 8-й гвардейской стрелковой дивизии И.В. Панфилова, оспаривает выводы следователей военной прокуратуры, которые в 1948 г. расследовали дело И.Е. Добробабина – одного из шести

¹⁸ Вестник Липецкого государственного педагогического университета: Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76–80.

¹⁹ О нем см.: Журавлев С.В. Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1985 год. М., 1987. С. 196–201.

²⁰ “Я ведь действительно историк...”: Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. / публ. В.В. Тихонова // ОА. 2012. № 1. С. 93–116.

²¹ АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 272–277.

²² Стенограммы интервью хранятся в ЦАОДМ: Ф. 67 (Кировский РК КПСС), Ф. 76 (Москворецкий РК КПСС), Ф. 81 (Рижский РК КПСС), а также Ф. 5196 (Научный информационный центр политической истории Москвы) – см. Москва прифронтовая. М., 1995. С. 99, 152, 218 и др.

²³ Киселев А.С., Горинов М.М. Издания Объединения “Мосгорархив” по истории Великой Отечественной войны // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 304–311.

²⁴ Москва военная: 1941–1945: Мемуары и военные документы. М., 1995.

²⁵ Родина. 2012. № 5. С. 6–11; № 7. С. 9–16.

оставшихся в живых панфиловцев, обвинявшегося в измене Родине. Как известно, основываясь на этих выводах, некоторые современные исследователи утверждают, что никакого подвига панфиловцев у разъезда Дубосеково не было. Дроздов, изучив материалы стенограмм, подробно разобрал все аргументы “за” и “против” и пришел к выводу о том, что массовый героизм проявляли все бойцы дивизии, и говорить о том, что история военных подвигов – это сплошь мифотворчество советской пропаганды, совершенно неправомерно. Таким образом, в статье Дроздова показана перспективная роль материалов, собранных Комиссией, в установлении достоверных событий Великой Отечественной войны.

Особо следует отметить книгу историка Йохена Хелльбека “Сталинградские протоколы”, выполненную в рамках совместного проекта Германского исторического института в Москве (ГИИ) и ИРИ РАН²⁶. В ней впервые осуществлена комплексная публикация стенограмм интервью участников битвы за Сталинград (часть из них была собрана сотрудниками Комиссии в январе – феврале 1943 г., т.е. практически на поле боя)²⁷ и сделана попытка реконструировать реальную деятельность Комиссии в экстремальных со всех точек зрения условиях. И дело не только в военных действиях – огромный груз ответственности накладывали на деятельность сотрудников Комиссии идеологические установки ВКП(б). В книге подробно рассмотрены цели и принципы работы Комиссии.

Базой деятельности Комиссии Хелльбек считает “революционный документализм” 1920-х годов, воплощенный в опыте работы “Истпарта”, “Истории фабрик и заводов”. В свою очередь, корни деятельности этих инициированных Горьким учреждений лежат в философии и идеологии “Левого фронта искусств”²⁸ и в тех веяниях времени, которые так точно и с таким блеском зафиксировал Дзига Ветров в своих фильмах. По мнению Хелльбека, Минц впитал и разделял убеждения Горького, который как “нищееанец” верил в то, что рабочий – “маленький человек”, – посредством создания своей автобиографии (в чем ему помогает, безусловно, интеллигент) может осознать свою активную роль в историческом развитии, созидании и таким образом превратится в “Человека с большой буквы”. Именно поэтому, в частности, Минц задумал создать галерею или Энциклопедию Героев Советского Союза и неоднократно в обоснованиях деятельности Комиссии повторял, что целью работы является, в том числе, показать, что “героями не рождаются, а становятся”.

Хелльбек убежден, что цель работы сформировала и основной прием сбора материала – а именно подробный опрос участников событий, стенографическая запись которого становится самостоятельным документом.

²⁶ *Hellbeck J. Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht.* Frankfurt am Main, 2012. В составе редколлегии работали Д.Д. Лотарева (Москва) и С.М. Маркова (Воронеж).

²⁷ Необходимо отметить, что в книгу вошла лишь часть стенограмм интервью, взятых у участников битвы. Некоторые стенограммы приведены целиком, большая часть – в выдержках. Все они опубликованы в переводе на немецкий язык. В настоящее время готовится издание книги на русском языке.

²⁸ Московское литературное объединение “Левый фронт искусств” существовало в 1922–1928 гг. и пропагандировало так называемую “литературу факта”, “производственное искусство”, призывало к тому, чтобы искусство растворялось в массах, проникало в быт.

Более того, Минц рассматривал эти интервью как способ активного воздействия на действительность. Этот прием также вписывается в контекст культуры и науки 1920-х годов, когда газетный материал был объявлен главным литературным жанром нового времени, в отличие от “старого” романа, поскольку газета функционирует в реальной жизни, рассказывает о построении новой жизни и одновременно помогает этой работе.

Таким образом, работа Хелльбека представляет собой хотя и не бесспорный, но весьма продуктивный пример изучения деятельности Комиссии в контексте идеологических и культурных реалий 1920-х – 1940-х годов, что позволяет правильно понять как принципы, так и многие направления ее работы. Хочется отметить и использованный автором методический принцип публикации стенограмм. Они систематизированы по смысловому и хронологическому признаку, приведены выдержки из разных интервью, в которых описаны одни и те же события. Получается своего рода перекличка мнений и оценок, личных впечатлений участников событий, что позволяет объемно и достаточно объективно восстановить подробности битвы, не отраженные ни в официальных донесениях, ни в более поздних воспоминаниях.

Во время подготовки статьи к печати вышла еще одна работа с использованием стенограмм, собранных Комиссией (*Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире: Правда из прошлого. 1941–1945. М., 2014). В ней полностью опубликованы беседы с воинами 9-й Гвардейской истребительной авиационной дивизии. Тексты дополнены собранными в ЦАМО данными о боевой деятельности летчиков, что является, на наш взгляд, важным методологическим приемом изучения материалов Комиссии.

В целом, несмотря на появившиеся в последнее время исследования и публикации, необходимо признать явное несоответствие размаха деятельности Комиссии и богатства собранных ею материалов тому малому резонансу, который был вызван ее работой как в обществе, так и в исторической науке.

За исключением указанных выше случаев, собранные Комиссией уникальные документы и свидетельства не были введены в научный оборот. Первоначально к ним обращались, в основном, для наведения справок²⁹. Позднее одним из первых стенограммы в качестве источника включил в свои исследования фронтовик, академик А.М. Самсонов³⁰, в частности, в книгу “Сталинградская битва”³¹. Но это фактически единичный случай. Кроме того, автор использовал лишь небольшие фрагменты нескольких стенограмм.

Причин такого замалчивания, на наш взгляд, несколько. Безусловно, свою роль сыграла кампания по борьбе с космополитизмом³². Затем наступили времена политизации и мифологизации истории Великой Оте-

²⁹ См. отчеты о работе ОРФ Института истории за 1949–1956 гг., а также отчет о работе заведующей ОРФ Н.С. Трусовой (НА ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 5. Д. 29. Л. 138). Из отчетов видно, что больше всего за это время выдавали в читальный зал материалы из фонда Комиссии.

³⁰ *Курносков А.А.* Академик А.М. Самсонов – археограф и источниковед истории Второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 189–191.

³¹ См.: *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989.

³² Подробнее о роли этой кампании в развитии исторической науки в СССР см.: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

чественной войны, когда правдивый рассказ о реальных обстоятельствах событий, запечатленный в материалах, собранных Комиссией, не отвечал целям советской идеологии. По выражению К.М. Симонова, “солдат молчал”, а описания войны подвергались жесткой цензуре. Ведь в стенограммах зафиксированы свободные высказывания “по горячим следам”. Эта свобода, по мнению А.А. Курносова, была обусловлена “определенной духовной раскованностью” людей, переживших смертельные опасности войны. Они желали сказать правду еще и потому, что сотрудникам Комиссии удавалось убедить собеседников в том, что их свидетельства очень ценны для истории³³. Третья причина – сложность работы со стенограммами, которые требуют всестороннего источниковедческого анализа, понимания того, когда, кем и по каким принципам они создавались, а также исследования их достоверности.

Переходя к истории Комиссии, необходимо сказать, что ее реконструкция является достаточно сложной задачей. Это связано с тем, что документация самой Комиссии³⁴ сохранилась неполно, поэтому требуется комплексное изучение всего архива Комиссии – как делопроизводства, так и материалов, собранных и написанных сотрудниками. В этом смысле информация из стенограмм (дата и место проведения интервью, фамилии опрашивавших), а также, например, из историй воинских частей, является важнейшим источником, поскольку довольно часто данные о работе сотрудников не отражались в приказах по личному составу, отчетах и т.п. документах. Примеры такого рода можно множить.

Большой комплекс источников по истории Комиссии хранится и в других архивах – РГАСПИ, АРАН, НИОР РГБ, ЦАМО, ЦАОДМ, а также в фондах государственных областных архивов России и ближнего зарубежья³⁵. Иногда встречаются единичные, но важные документы, например, в архиве Общества “Мемориал”³⁶.

Важнейшим источником является упоминавшаяся аудиозапись встречи сотрудников Комиссии. На ней присутствовали С.О. Шмидт, И.Е. Тамм, А.В. Басов, В.А. Черных, А.А. Курносов, Н.С. Архангородская, а также бывшие сотрудники Комиссии И.И. Минц, М.Г. Седов, Л.М. Зак, Е.Н. Городецкий, Н.С. Трусова³⁷. А.А. Курносов опубликовал выступление И.И. Минца и хронику заседания³⁸, которые во многом не совпадают с

³³ Курносов А.А. Сборник “Москва военная” [рец. на кн.: Москва военная: 1941–1945: Мемуары и военные документы. М., 1995] // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 368.

³⁴ Так называемый “Раздел XIV” фонда № 2 НА ИРИ РАН.

³⁵ Например, в Государственном архиве Харьковской области хранятся дубликаты стенограмм бесед, проведенных А.Л. Сидоровым в Харькове с пережившими оккупацию горожанами. Значительные фрагменты их опубликованы без каких-либо упоминаний о Комиссии, см.: Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2013. С. 112–348.

³⁶ Например, в нем хранится копия “Воспоминаний о лагере” М.Г. Минца, которые были записаны в 1956–1957 гг. в Москве для Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны (воспоминания о пребывании автора в немецком плену с ноября 1941 по весну 1945 г.).

³⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Лист без пагинации. В деле фонда сохранился лишь первый лист стенограммы; См. также: Аудиозапись.

³⁸ Курносов А.А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 316–319. Другой вариант описания встречи: *Он же*. В Археографической комиссии АН СССР // СА. 1985. № 1. С. 91–92. Сравнение текстов обеих публикаций заставляет предположить, что А.А. Курносов опрашивал бывших

аудиозаписью. В публикации хроники, например, имеется текст воспоминаний Р.И. Голубевой, которая на встрече не присутствовала. В то же время многие важные факты из истории Комиссии, зафиксированные в аудиозаписи, в публикации не отражены.

Ценным источником является фильм оператора С.К. Галаджи “В боях за Родину”³⁹ о 3-й Московской коммунистической (130-й Гвардейской стрелковой) дивизии, в составе которой воевали сотрудники Комиссии В.И. Шунков и А.Л. Сидоров. В фильме имеются кадры выступления И.И. Минца перед командирами и бойцами дивизии (вероятно, в начале 1942 г., поскольку Минц упоминает завершившуюся победой 30 декабря 1941 г. Тихвинскую операцию). Кроме того, сам факт появления такого фильма подтверждает стремление Минца использовать для сохранения истории войны и силы кинематографии. Сохранилось письмо заместителя Минца И.М. Разгона от 9 мая 1942 г. в комендатуру Москвы с просьбой продлить пребывание кинооператора Московской коммунистической дивизии младшего политрука Галаджи в Москве, поскольку Студия кинохроники задерживала его фронтовой материал. 25 мая опять пришлось писать письмо, так как задерживалось изготовление титров. Также Галаджа производил фотографирование дивизии⁴⁰. Попутно отметим, что 15 марта 1942 г. Минца пригласил Е. Ярославский “послушать рассказ сценариста Каплера, только что вернувшегося из партизанского района [Северо-Западного фронта]. Присутствовали кинорежиссер Кармен, зав. кинохроникой Кацман, Городецкий, Клавдия Ивановна Кирсанова [...] Каплер обещал передать все материалы, какие он нашел и привез с собой”⁴¹.

Важный материал, связанный с историей Комиссии, содержится в фондах музеев, в частности, в Историческом в Москве. Например, это коптилка, сделанная из гильзы артснаряда и подаренная капитаном Н.Н. Аксеновым И.И. Минцу “в память обороны Сталинграда”, о чем свидетельствует дарственная надпись⁴². Необходимо отметить, что капитан Аксенов собирал материал для Комиссии и дал большое интервью о событиях в Сталинграде (в мае 1943 г.)⁴³. В 1943 г. в Сталинград выезжали сотрудники

сотрудников Комиссии и включил в публикации выдержки из их воспоминаний. Например, в “Советских архивах” приводятся воспоминания Л.И. Кроль о Марии и Зиновии Кроненбергах, некоторое время работавших в Комиссии. В публикации в АЕ и в аудиозаписи эти слова отсутствуют (Л.И. Кроль на встрече не выступала). К сожалению, стенограммы или записи бесед А.А. Курносова с сотрудниками Комиссии нами не обнаружены.

³⁹ [http://video.yandex.ru/users/mik492979/view/37/?cauthor=mik492979&c_id=3 &passport-redirect=1 &ncrnd=50049#](http://video.yandex.ru/users/mik492979/view/37/?cauthor=mik492979&c_id=3&passport-redirect=1&ncrnd=50049#) С.К. Галаджа в своих воспоминаниях о работе над фильмом указал, что он был сделан “при активной помощи МК ВКП(б), ВЦСПС, Моссовета, Октябрьского райкома ВКП(б) г. Москвы, Комиссии по истории Отечественной войны (выделено нами. – Д.Л.) и орденоносной студии Мосфильм”, см.: Галаджа С.К. Как создавался фильм // Знамя гвардейца. 1946. 17 нояб.

⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 140, 152, 153; Д. 30. Л. 27.

⁴¹ Минц И.И. Из памяти... С. 63, 65.

⁴² 1943 год. Война глазами очевидцев: Выставка из собраний Государственного исторического музея при участии Центрального музея Вооруженных сил. 8 мая – 8 сентября 2003 г. М., 2003. С. 8.

⁴³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел III. Оп. 5. Д. 4. Л. 3–16 об. Опубликовано с небольшими сокращениями и на немецком языке: Hellbeck J. Op. cit. S. 399–428.

Музея Революции (ныне Государственный центральный музей современной истории России), а в 1944 г. – экспедиция Исторического музея для сбора материалов о битве за город, в ходе которой были записаны воспоминания жителей города. Связь Комиссии с Историческим музеем установилась в 1942 г., когда Минц попросил его сотрудников организовать фотографирование разрушенных во время оккупации памятников истории и культуры Московской области⁴⁴.

Необходимо подчеркнуть, что Комиссия не была обычным официальным учреждением, вся ее деятельность была построена на живых связях с современниками. Сотрудникам Комиссии, для того чтобы добывать ценные исторические материалы, приходилось завязывать отношения как с высоким начальством, так и с рядовыми людьми. От степени их компетентности и доброжелательности, а также уверенности в чрезвычайной важности их миссии, зависело, откроются ли им навстречу собеседники в жестких условиях военного времени, поделятся ли тем, что накопилось в душе. Любой исследователь, прочитавший хотя бы несколько интервью, поражается обилию откровенных, порой страшных, деталей при описании военной повседневности, массовых потерь, трусости и героизма. И члены Комиссии были вынуждены приспосабливать эти открывавшиеся им знания к официальной версии событий, тиражировавшейся средствами массовой пропаганды. Каждый из них решал этот вопрос в соответствии со своими личными особенностями.

Безусловно, тон работы задавал сам И.И. Минц. Именно его энергия и идеи питали деятельность Комиссии. Сам он так оценил статьи, в которых рассказывалось о Комиссии: «Читал очерк о нас, опубликованный в “Археографическом ежегоднике”. Очень приятно увидеть, что наша работа не пропала даром. Но я, конечно, не мог найти подробностей, как все действительно происходило в жизни»⁴⁵.

И здесь необходимо подчеркнуть, что во всех публикациях о Комиссии не отражен важнейший факт, который является стержнем всей ее истории. А именно – И.И. Минц планировал создать не Комиссию, а Институт [Великой] Отечественной войны в системе Академии наук⁴⁶. Себе он отводил роль директора этого института. Только приняв во внимание это намерение Минца, можно понять логику и размах работы Комиссии, принципы организации ее деятельности. Именно поэтому Минц требовал системного подхода, именно поэтому старался собрать и сохранить как можно больше данных. По всей вероятности, он хотел создать многотомную “Историю Великой Отечественной войны” по аналогии с “Историей Гражданской войны”. В связи с этим становится ясным, почему такое большое внимание уделялось именно стенографированию воспоминаний, в которых фиксировалась информация, не попадавшая в официальные сводки.

⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 55.

⁴⁵ Курносов А.А. Встреча сотрудников... С. 316.

⁴⁶ Важно отметить, что и в публикациях Курносова намерение Минца осталось неотмеченным и непрокомментированным. См., например: Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР... С. 119–120.

О решении Минца создать институт и руководить им свидетельствует следующий подписанный им текст, датированный 19 января 1942 г. (с пометкой “Копия”): “Распоряжение № 1 по Орггруппе Института Истории Отечественной войны.

1. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г. создается научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии и возбуждено ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института Истории Отечественной войны.

2. Руководителем орггруппы Института Президиум АН СССР утвердил меня”.

На документе имеется пометка: “Подлинное распоряжение пересл. в Президиум Ак. Наук СССР для оплаты. Секретарь орггруппы З. Печенкова”⁴⁷.

Действительно, на заседании Президиума АН от 15 января 1942 г. в Казани обсуждались вопросы “О вандализме немецких захватчиков в Ясной Поляне” и “О работе по Истории Отечественной войны”. В постановлении говорилось: “1. Создать в АН СССР научный аппарат по изучению Истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии. 2. Возбудить ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института истории Отечественной войны»⁴⁸.

Эта информация подтверждается и протоколом более раннего заседания Президиума АН от 10 января 1942 г., где постановили: “Поручить члену Президиума АН академику М.Б. Митину и члену-корреспонденту И.И. Минцу решить вопрос о переводе в Комиссию по истории Отечественной войны (а в последующем в Институт истории Отечественной войны) научных сотрудников Московского отделения института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, находящихся в настоящее время в Москве (со штатными единицами)”⁴⁹.

25 января 1942 г. Минц получил из Казани от вице-президента АН О.Ю. Шмидта и академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР А.М. Деборина телеграмму следующего содержания: “Вашими предложениями Президиум согласен, считает необходимым возбудить ходатайство перед Совнаркомом организации Института, подробности письмом”⁵⁰. 11 марта Минц, обращаясь с деловым письмом к Шмидту, упоминал о том, что по решению Шмидта Комиссии было предоставлено право обращаться к институтам АН с поручениями⁵¹. В недатированном письме к Минцу президент АН академик В.Л. Комаров писал: “Глубокоуважаемый Исаак Израилевич! Я с большим удовлетворением узнал об организации научного аппарата, изучающего историю Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии по истории Отечественной войны, о перспективах создания Института истории Отечественной войны

⁴⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп.1. Д. 40. Л. 48.

⁴⁸ АРАН. Ф. 2 (Секретариат Президиума РАН). Оп. 6а. Д. 34. Л. 17–19.

⁴⁹ Там же. Л. 12–13.

⁵⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 22.

⁵¹ Там же. Л. 57.

и о Вашем руководящем участии в этом важном патриотическом деле первостепенного научного и общественного значения...”⁵²

14 марта 1942 г. И.И. Минц узнал от О.Ю. Шмидта, что “дело утверждения штатов” налажено: “На днях следует ждать решения”⁵³. Скорее всего, речь шла об утверждении штатов Института истории Отечественной войны. Однако 1 апреля 1942 г. О.Ю. Шмидт был отстранен от обязанностей вице-президента АН и исключен из Президиума АН⁵⁴, и возможно в связи с этим вопрос об Институте решен не был. Нужно думать, что И.И. Минц не оставлял идеи создания Института до 1947 г., однако вся работа шла “под вывеской” деятельности Комиссии.

В постановлении Президиума АН от 15 января 1942 г. не случайно говорилось о том, что руководить изучением Отечественной войны будет образованная ЦК ВКП(б) Комиссия. Такая формулировка была результатом большой работы, проделанной Минцем. Мысль об организации Института и Комиссии появилась у него, вероятно, в самом начале войны, после известных выступлений Молотова 22 июня и Сталина 3 июля 1941 г. По всей видимости, именно с этого времени он начал предпринимать какие-то конкретные шаги, однако установить их достаточно сложно. Мы располагаем лишь воспоминаниями самого Минца, в которых, зачастую, смешиваются разновременные события⁵⁵. Об активности Минца свидетельствует его статья “Красная армия в боях с германскими оккупантами”, опубликованная в Москве 21 июля 1941 г. в однодневной газете “Народный ополченец”⁵⁶. В июле же он, по его собственному утверждению, написал письмо в ЦК ВКП(б), в котором говорилось: “Понимаю, сейчас тяжелые условия. Но насколько богаче были бы наши представления об Отечественной войне 1812 г., если бы ее участники оставили свои рассказы. Сейчас мы не должны терять времени. Необходимо запечатлеть нынешние события. Потом человечество будет спрашивать, как это все происходило. Я предлагаю создать Комиссию, которая будет собирать материал, изучать, анализировать, создавать летопись величественной эпопеи”⁵⁷. Факт написания письма подтвердил и ближайший сотрудник Минца по редакции ИГВ Е.Н. Городецкий⁵⁸. Однако письмо это нами не обнаружено.

Так или иначе, И.И. Минц мог рассчитывать на то, что Сталин прекрасно помнил его по работе в редакции ИГВ⁵⁹. Например, в 1934 г. как

⁵² Там же. Л. 27.

⁵³ *Минц И.И.* Из памяти... С. 62.

⁵⁴ По распоряжению Сталина (повод – отправил в СНК план работ АН без согласования с Президиумом). См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 34. Л. 61–67.

⁵⁵ Аудиозапись. Личный архив И.И. Минца, который мог бы пролить свет на эти события, передан в АРАН, но пока не обработан и потому остается недоступен для исследователей.

⁵⁶ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 74.

⁵⁷ *Курносков А.А.* Встреча сотрудников... С. 316.

⁵⁸ Аудиозапись.

⁵⁹ Несмотря на конфликты, которые произошли в самом начале его работы. Так, А.Л. Сидоров утверждал, что в 1931 г. Л.М. Каганович разоблачил деятельность Минца по фальсификации истории партии. См.: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 556; см. также письмо Горького Сталину от 28 января 1932 г. (Новый мир. 1998. № 10. С. 68).

ответственный секретарь редакции, Минц представил членам редакции развернутый ответ на поправки и вопросы к тексту 1-го тома Истории, который вождь пристально изучил и оставил свои замечания⁶⁰ (как известно, текст 1-го тома по замечаниям Сталина переделывался несколько раз).

По воспоминаниям Минца⁶¹, в том же июле 1941 г. он, с присущей ему энергией и настойчивостью, отправился на прием к секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, который являлся первым секретарем Московского городского комитета ВКП(б) и позднее стал начальником ГлавПУ РККА. Они были хорошо знакомы еще по работе с Горьким. Щербаков до 1936 г. был заместителем Горького – председателя Союза писателей СССР. Вероятно, эта встреча была первой в целой цепи разговоров о необходимости создать орган, похожий на редакцию ИГВ, для того, чтобы писать историю борьбы с фашистскими агрессорами.

Естественно, Щербаков не мог решить такой вопрос единолично и направил его на согласование в ЦК. Сохранился документ, подтверждающий, что он занимался вопросами создания летописи/хроники Великой Отечественной войны в августе 1941 г. Это письмо и.о. директора Гослитиздата П. Чагина⁶², адресованное в Секретариат ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову и датированное 27 августа 1941 г. Чагин писал: «Прошу Вашего разрешения организовать в Гослитиздате выпуск периодического издания “Летопись Великой Отечественной войны” согласно прилагаемой записки, составленной на основе Ваших указаний, переданных мне тов. А.А. Фадеевым»⁶³. Вероятно, в условиях событий августа 1941 г., когда немцы атаковали Смоленск и Киев, идея не нашла поддержки. На письме имеется следующая резолюция кого-то из членов ЦК (а возможно, и самого Щербакова): “Разъясните Фадееву и Чагину не целесообразность (sic!) этого издания”.

Осенью 1941 г. гитлеровские войска практически вплотную приблизились к столице. Еще с лета в московских районах создавались дивизии народного ополчения. Множество старших школьников, студентов, служащих направлялись на рытье окопов и строительство линий обороны. Предприятия Москвы переходили на выпуск военной продукции – снарядов, автоматов, реактивных установок. По мере захвата районов Московской области немцами, там организовывались партизанские отряды, штаб руководства которыми находился в МК ВКП(б). Упорное сопротивление советских войск и ополчения на подступах к Москве давало обильные примеры мужества и героизма, о которых сообщалось в прессе.

В этих условиях воплощение в жизнь идеи о создании Комиссии становилось более реальным. Минц вспоминал: «Проходила неделя за неделей. Ответа не было. Я думал: “Не до истории сейчас”. Это верно, если между историей и сегодняшним днем нет прямой связи. А прямая такая связь была, и я очень волновался. И вдруг мне позвонил начальник

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558 (И.В. Сталин). Оп. 1. Д. 3164. Л. 1–1 об. Машинописный подлинник на бланке. Подпись – автограф. Комментарии Сталина – автографы.

⁶¹ Аудиозапись.

⁶² Чагин (настоящая фамилия – Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967) – литератор, поэт, советский партийный работник; 2-й секретарь ЦК КП Азербайджана в 1922 г.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 125. Д. 63. Л. 214. На бланке издательства “Художественная литература”.

ПУ РККА, секретарь ЦК А.С. Щербаков и говорит: у меня лежит Ваше письмо с резолюцией Сталина “Согласен”»⁶⁴.

Сохранились детали другого разговора Минца с Щербаковым, который состоялся, по нашему мнению, не позднее 10 декабря 1941 г.⁶⁵ Минц стал убеждать его, что необходимо записать рассказы военачальников, которые участвовали в военных событиях, “потому что приказы не регистрировались нигде, а знать замыслы военачальника очень важно, чтобы раскрыть его талант, показать роль”. Щербаков спросил Минца: “А что вы будете записывать?” “Я начал перечислять: Смоленское сражение⁶⁶, [бой] под Можайском⁶⁷...”

Решение собирать рассказы военачальников Щербаков, по всей вероятности, утвердил. 17 декабря 1941 г. Минц обратился к заместителю председателя Моссовета Иванову с просьбой выделить две легковые машины и бензин для поездок сотрудников Комиссии, которым “поручено собирание материалов и запись бесед с руководителями и участниками обороны Москвы”⁶⁸. 30 декабря он просил Управление милиции г. Москвы выдать пропуска для проезда в Калинин (Тверь) и обратно ему, а также научным сотрудникам Комиссии Е.Н. Городецкому, Р.Л. Тараховской и художнику А.Н. Ермолаеву. В поездке предполагалось собирать материалы для Летописи войны⁶⁹.

Обозначение Летописи в качестве цели работы Комиссии не было случайным, так как первоначально именно эту задачу сформулировал Г.Ф. Александров, сыгравший большую роль в формировании Комиссии. Доктор философских наук, профессор, глава Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), он был важнейшей фигурой “идеологического фронта”. Контакты с Александровым давали “выход” как в Агитпроп ЦК, так и в Президиум АН СССР. С 30 сентября по 2 октября 1941 г. состоялось расширенное заседание Президиума, на котором обсуждался вопрос о деятельности институтов Академии в условиях войны. Составление летописи Отечественной войны было сформулировано как одна из главных задач Института истории АН⁷⁰. Ее начали выполнять. В приказе по Институту № 225 от 14 ноября 1941 г. говорилось: “Старших научных сотрудников Института истории П.Н. Миллера и Н.Г. Бережкова по завершении эвакуации числить в группе Института истории АН СССР, работающей над составлением Московской летописи Великой Отечественной войны советского народа”. Приказ подписал уполномоченный Президиума АН СССР по Институту истории Б.Т. Горянов⁷¹. Позднее группа Летописи волилась в

⁶⁴ Аудиозапись. Здесь необходимо отметить, что А.С. Щербаков был назначен начальником ГлавПУ РККА в июне 1942 г.

⁶⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Лист без пагин.

⁶⁶ Сражение за Смоленск происходило в июле–сентябре 1941 г.

⁶⁷ Ожесточенные бои за Можайск прошли в октябре 1941 г.

⁶⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

⁶⁹ Там же. Л. 7. Минц и Городецкий также просили выдать им оружие в связи с опасностью поездок на фронт (Там же. Л. 9, 11).

⁷⁰ Михайлова Е.П. Указ. соч. С. 352.

⁷¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133а. Л. 137. В 1939 г. при Институте истории АН СССР была создана группа для подготовки многотомника по истории Москвы, которая стала называться “Группа истории города Москвы”. В нее вошли П.Н. Миллер, В.И. Шунков

Комиссию (ее возглавила О.Н. Чаадаева). П.Н. Миллер работал в группе до самой смерти 23 января 1943 г.⁷² И.И. Минц неоднократно обращался в Президиум АН с просьбой присвоить Миллеру статус старшего научного сотрудника для того, чтобы он мог получать больше продуктов по карточкам.

Поскольку Г.Ф. Александров был связан и с Президиумом АН, и с ЦК ВКП(б), идея Летописи приобрела больший размах. В дневниковых записях И.И. Минца читаем: “25 ноября 1941 года. В Москве, т. Александров Г.Ф. (начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) сообщил (в 3 ч), что создана комиссия по собиранию материала и подготовке к изданию “Летописи Отечественной войны”. Начать надо с “Обороны Москвы” и постепенно расширять работу. Мне поручено организовать аппарат, связаться с остальными научными учреждениями, привлечь людей. В распоряжение “Летописи” будут переданы все материалы Совинформбюро и сводки ТАСС. Вечером был у П.Ф. Юдина, заведующего ОГИЗом. Он будет введен в состав комиссии от ОГИЗа и как член-корреспондент Академии наук СССР”⁷³.

30 ноября И.И. Минц в Доме ученых во время доклада Юдина о текущем моменте, на котором присутствовало 600 человек, «говорил об общем положении страны. Рассказал о “Летописи”. Призывал к помощи”⁷⁴.

Однако решение по Комиссии на уровне ЦК ВКП(б) не состоялось. Постановление о создании Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы было принято 10 декабря 1941 г. Секретариатом МК и МГК ВКП(б)⁷⁵. В ее состав вошли Г.Ф. Александров (председатель), И.И. Минц (зам. председателя), упомянутый выше П.Ф. Юдин, заместитель начальника управления ГлавПУ РККА генерал-полковник Ф.Ф. Кузнецов, член ЦК ВКП(б) и главный редактор “Правды” П.Н. Поспелов, член редколлегии “Известий” Л.Я. Ровинский, секретарь МК ВКП(б) по пропаганде И.А. Гракин, зав. отделом пропаганды МК П.А. Поздеев. Однако об этом решении Минц узнал лишь на следующий день. 11 декабря он отметил в дневнике: “В 3 часа дня в кабинете т. Александрова состоялось заседание Комиссии по составлению Хроники обороны Москвы. Тов. Александров сообщил о решении ЦК и МК создать Комиссию”.

и другие сотрудники Института. В 1940 г. на базе группы была основана Комиссия по истории Москвы при дирекции Института. См.: Уваров С.А. Комиссия по истории города Москвы (1939–1941): Хроника деятельности // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 367, 370. В начале войны «у П.Н. Миллера созрела мысль о необходимости составления летописи “Москва в Отечественной войне”. Он стал собирать материалы, источниками для которых служили вырезки из центральных газет...» (Там же. С. 373–374). См. также наст. изд., с. 480–484.

⁷² См. его переписку с М.К. Рожковой (НА ИРИ РАН. Ф. 33. Оп. 4. Д. 5).

⁷³ Минц И.И. Из памяти... С. 41–42. Любопытен комментарий Е.Н. Городецкого, который вспоминал, что до того, как Минц побывал у Щербакова, “нас вызвали в ЦК к Александрову. И в ЦК Александров передал решение о создании Комиссии по истории обороны Москвы. И дал соответствующие полномочия Минцу для организации этой комиссии. Поскольку Щербаков был руководителем Московской [партийной] организации, начальником Информбюро, ГлавПУ, то к нему пошли, но потом” (Аудиозапись).

⁷⁴ Минц И.И. Из памяти... Там же. С. 42–43.

⁷⁵ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 246, со ссылкой: ЦАОДМ (ныне ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 24. Д. 232. Л. 2.

Ход переговоров не был простым, о чем свидетельствует черновик протокола заседания Комиссии⁷⁶. Непосредственно в ходе заседания Минцу удалось из Летописи обороны Москвы сделать Летопись Отечественной войны, или, по меньшей мере, попытаться это сделать (см. Приложение).

Сразу же после этого Минц начал налаживать работу Комиссии. 11 января 1942 г. он записал в дневнике: “Группа работников комиссии по истории обороны Москвы выезжает в Солнечногорск. С ними художник [А.И.] Ермолаев⁷⁷. Посетят г. Клин. Явно не успеваем за событиями. Немедленно надо послать кого-нибудь в город Керчь или Феодосию, но не хватает людей, а Академия наук ... до сих пор не утвердила мне сметы”⁷⁸. 15 января 1942 г. И.И. Минц по просьбе Л.И. Гуревича согласился к 23 февраля 1942 г. написать статью для журнала “Пропагандист” “Красная армия выросла в боях с немцами”. Примером для статьи должен был стать 1-й конный гвардейский корпус, в который Минц даже решил съездить, взяв художника для выполнения зарисовок.

С начала февраля 1942 г. началась активная работа Комиссии – сотрудники стали выезжать на фронт и в партизанские отряды за сбором сведений о Московской битве, Калининской операции⁷⁹. Более-менее регулярно Комиссия собиралась на совещания у Г.Ф. Александрова⁸⁰.

В мае 1942 г. прошло Общее собрание Академии наук в Свердловске. В повестку дня был включен доклад Г.Ф. Александрова и И.И. Минца “Исторические документы Великой отечественной войны (по материалам Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны)”⁸¹. Говоря о важности и необходимости сбора материала по истории войны, Александров подчеркнул, что “документы истории Отечественной войны помогут нашим героям, нашей героической Красной Армии выполнять свое дело, помогут осознать ту величественную задачу, которая возложена на плечи нашей армии историей ... Документы, собранные комиссией, должны отвечать на вопрос – почему и как мы победили”⁸².

Однако история организационного оформления Комиссии на этом не закончилась. Несмотря на принятое в январе 1942 г. решение Президиума АН, Комиссия не получила соответствующего статуса, и 24 мая того же года вице-президент АН академик Волгин отправил Минцу телеграмму: “Прошу ускорить оформление Комиссии, задержка тормозит проведение штатов, сметы”⁸³. В связи с этим, видимо, Минц возобновил переговоры в высоких инстанциях. Он вспоминал, что в начале июля 1942 г. “начальник

⁷⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

⁷⁷ Рисунки Ермолаева хранятся в ГИМ. Частично опубликованы: Москва прифронтовая. М., 1995. С. 404. На одном рисунке изображен профессор И.И. Минц, читающий лекцию командирам РККА (Можайское направление).

⁷⁸ *Минц И.И.* Из памяти... С. 52–53.

⁷⁹ См., например: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 40. Л. 46.

⁸⁰ Там же. Д. 28. Л. 18.

⁸¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 34. Л. 60, 70–71. На этом же заседании предполагалось заслушать доклады: “Всемирно-историческое значение борьбы с фашистским агрессором” (докл. А.Я. Вышинского, если не сможет – то В.П. Волгина), а также “Русский народ в борьбе за мировую культуру” (А.Н. Толстой).

⁸² РГАСПИ. Ф. 89 (Е.М. Ярославский). Оп. 6. Д. 15. Л. 41.

⁸³ Там же. Д. 23. Л. 148.

ПУРа” (т.е. А.С. Щербаков, который, как упоминалось выше, занял этот пост в июне) поручил ему приступить к составлению книги об истории обороны Москвы, о чем было доложено Г.Ф. Александрову, который хотел собрать по этому поводу совещание⁸⁴. В конце концов, 7 июля 1942 г. СНК распоряжением № 12527-р утвердил штатное расписание Комиссии по составлению истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР (штат АН был увеличен)⁸⁵.

В письме от 3 августа 1942 г. В.П. Волгину Минц сообщил: “Некоторое время тому назад вызвал меня тов. Щербаков и после длительной беседы приказал сделать книгу по истории обороны Москвы. Таким образом, все наши планы сразу получили точное оформление: вся подготовительная работа по истории частей, соединений, оборонительных рубежей и т.д. должна быть закончена созданием единой книги. На второй же день я был в Совнарком у тов. Землячки. Там полностью утвердили штат и смету, в том числе и для Уральского филиала [...]”. Александров в это же время дал указание на оформление президиума Комиссии, которая “была утверждена по партийной линии”⁸⁶.

Вероятно, в рамках подготовки книги Минц встретился с Щербаковым 31 июля 1942 г. Возможно, обсуждался период осени и начала зимы 1941 г., когда гитлеровские войска приближались к столице. Получилось импровизированное интервью для Комиссии, конспект которого Минц записал в дневнике: «По разговору с Щербаковым. Обстановка. Постановление. Угроза была весьма реальна. 70 тыс. вагонов. Пороховой завод. Артиллерийский завод. Создание нового завода. Взрыв в Филях. Москва – единственный источник боевого снабжения. “Драпальщики”. 250 тыс. человек работало. 17 октября выступление тов. Щербакова. Комендантский патруль. Город был в порядке. Чистили. 6–7 ноября. Входит составной частью. Горы земли в дождь, слякоть. 4 дивизии были созданы не по уставу. Трофейное оружие. Формирование армии. Разговор со Сталиным. Танки. 200 ППШ. А сколько теперь ППШ? Минометы. А теперь не надо больше»⁸⁷. Поистине, сведения, сообщенные Минцу Щербаковым, были бесценны, так как проливали свет на подлинные события осени 1941 г., о которых мало кому было известно.

О другом совещании (не ранее 9 августа) у Г.Ф. Александрова в ЦК вспоминал член Комиссии М.Г. Седов. Тот сказал: “Если Шостакович один смог написать Ленинградскую симфонию в самой смертельной обстановке⁸⁸, то мы возлагаем большие надежды на историков, которые должны создать произведения, достойные эпохи”⁸⁹.

В это же время Минц “получил разрешение” на выпуск 2-го тома “Истории Гражданской войны”, что говорило о том, что Сталин положительно оценивал его деятельность.

⁸⁴ Там же. Д. 22. Л. 35,

⁸⁵ Там же. Д. 34а.

⁸⁶ Там же. Д. 23. Л. 225.

⁸⁷ Минц И.И. Из памяти... С. 67–68.

⁸⁸ Д.Д. Шостакович начал писать симфонию в Ленинграде летом 1941 г., а закончил уже в конце этого года в Куйбышеве, где впервые симфония была исполнена в марте 1942 г. (также и в Москве), а в Ленинграде она прозвучала 9 августа 1942 г.

⁸⁹ Аудиозапись.

Минц считал, что Комиссия по линии АН была окончательно оформлена в конце июля 1942 г.⁹⁰, но в письме к Волгину от 12 сентября сообщал, что “до сих пор не получил выписки из постановления Президиума АН об утверждении в советском порядке нашей Комиссии”⁹¹. Действительно, состав руководства Комиссии по истории Великой Отечественной войны был утвержден Президиумом АН СССР только 27 августа 1942 г. В него вошли: Г.Ф. Александров – председатель, И.И. Минц – зам. председателя, академик Е. Ярославский, Землячка – зам. председателя СНК, И.В. Шикин, дивизионный комиссар (зам. начальника ГлавПУ РККА), И.В. Рогов (Политуправление ВМФ), Н.А. Михайлов – секретарь ЦК ВЛКСМ⁹², Н.П. Поспелов (редколлегия газеты “Правда”), П.Ф. Юдин – член-корр. АН, Л.Я. Ровинский – член редколлегии газеты “Известия”, Е.М. Леонтьева – секретарь МК ВКП(б) по пропаганде⁹³, Е.Н. Городецкий, профессор (редакция ИГВ)⁹⁴. По поводу создания научного аппарата при Президиуме АН СССР Минц был настроен скептически: “Академия не умеет решать такие вопросы быстро, а шуму будет много”⁹⁵.

В конце 1942 г. Минц написал следующее знаменательное письмо в Президиум АН СССР: “В связи с повышением заработной платы научным работникам, Комиссия Истории отечественной войны в СССР отнесена к рядовым комиссиям институтов Академии наук. Считаю такое положение неправильным. Комиссия по Истории Отечественной войны создана на основании постановления ЦК ВКП(б) при Президиуме Академии наук для организации работы по сбору и изучению материалов истории Великой отечественной войны. Штат Комиссии 58 человек. В составе научных сотрудников Комиссии имеются 5 докторов наук, 10 кандидатов наук. Комиссия имеет филиалы и группы в союзных филиалах Академии наук. Кроме того, по решению ЦК во всех обкомах и нацкомпартиях также созданы комиссии по истории Отечественной войны. Всеми этими местными комиссиями руководит Комиссия по истории Отечественной войны при Президиуме Академии наук. Работа нашей Комиссии по объему и по бюджету, безусловно, равна работе многих ведущих институтов Академии наук. Поэтому прошу приравнять Комиссию по истории Отечественной войны при Президиуме Академии наук по всем линиям к самостоятельным институтам Академии наук СССР”⁹⁶.

Из письма Г.Ф. Александрова на имя А.С. Щербакова, датированного 1 февраля 1943 г., становится понятно, что Минц продолжал надеяться на утверждение Комиссии Постановлением ЦК ВКП(б). В письме говорилось: “Решением МК ВКП(б) в декабре 1941 года была создана Комиссия по составлению истории Обороны Москвы. Работа Комиссии уже с первых

⁹⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 291.

⁹¹ Там же. Л. 292.

⁹² Так в тексте, на самом деле – 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ.

⁹³ Е.И. Леонтьева до перевода на партийную работу в апреле 1941 г. работала заместителем декана исторического факультета МИФЛИ, см.: *Млечин Л.М.* Один день без Сталина. М., 2012. С. 60.

⁹⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 35. Л. 101.

⁹⁵ *Минц И.И.* Из памяти... С. 48.

⁹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 389.

дней переросла рамки первоначального задания. Нельзя было писать [эту историю], не изучив Тульской и Калининской операций [...] Московская Комиссия расширила работу. В системе Академии наук СССР была создана группа научных сотрудников по собиранию и систематизации материалов Отечественной войны. Все это привело к тому, что Комиссия по составлению истории обороны Москвы, по существу, превратилась в общую комиссию по собиранию материалов по истории всей Великой Отечественной войны". Г.Ф. Александров предлагал утвердить создание комиссии Постановлением ЦК ВКП(б)⁹⁷.

В проекте Постановления, предложенном Г.Ф. Александровым, сказано, что было бы необходимо: "1. Создать Комиссию по истории Великой Отечественной войны в следующем составе: Ярославский Г.Ф., Шикин И.В., Поспелов П.Н., Александров Г.Ф., Рогов И.В., Минц И.И., Пономаренко П.К.⁹⁸, Маханов А.И.⁹⁹, Митин М.Б., Михайлов Н.А.

2. Поручить Комиссии собирание материалов по истории Отечественной войны; составление истории обороны Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Тулы, Севастополя, Одессы; составление Хроники событий Великой Отечественной войны; составление истории отдельных боевых частей, в первую очередь гвардейских"¹⁰⁰.

По всей видимости, никакого постановления ЦК в ответ на это письмо не последовало. Более того, А.С. Щербаков фактически перестал поддерживать работу Комиссии. 7 июля 1943 г. Минц обратился к нему со следующим отчаянным письмом: «Александр Сергеевич! Поручая мне сделать книгу о разгроме немцев под Москвой, Вы сказали: "Если будет нужна помощь, приходите". Как раз сейчас Ваша помощь крайне нужна. В самом деле, мы закончили собирание материала. Больше того, у нас написано не менее 15–20 листов. Работа над книгой вступила в самый решающий момент: надо окончательно оформить материал и превратить отдельные статьи в единую книгу. Очень хотелось бы издать книгу к годовщине разгрома. Если у Вас есть возможность, то прошу принять меня для доклада: а) правильно ли я выполняю Ваше задание по созданию книги о разгроме немцев под Москвой и б) для получения ответа на некоторые вопросы»¹⁰¹. К сожалению, суть этих вопросов остается неизвестной, как и реакция Щербакова. Возможно, это связано с тем, что отступление РККА и саму обстановку, сложившуюся под Москвой осенью 1941 г., Сталин воспринимал крайне болезненно и старался не упоминать о критической ситуации, в которой оказались страна и столица во второй половине 1941 г.¹⁰²

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 1.

⁹⁸ Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – советский государственный, партийный деятель, генерал-лейтенант (1943), с 1938 г. – 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, одновременно с 1942 г. – начальник Центрального штаба партизанского движения. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г. Член Президиума ВС СССР в 1940–1951, 1954–1958 гг.

⁹⁹ Вероятно, секретарь по пропаганде Ленинградского горкома ВКП(б).

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 2.

¹⁰¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 124.

¹⁰² Невзоров Б.И. Битве за Москву – 70 лет: как ее освещали в эти годы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 11.

Таким образом, Комиссия по истории Великой Отечественной войны не получила утверждения в высшей инстанции ВКП(б). Минц, как мог, поддерживал ее статус. Ему приходилось обращаться в самые разнообразные научные, советские и партийные организации, в воинские части, и, в зависимости от адресата, он указывал, что Комиссия была создана по заданию МК и МГК ВКП(б), или ГлавПУ РККА, или Академии наук, или просто – “соответствующим решением директивных органов”. На все акции сотрудников Комиссии (сбор материалов, командировки в воинские части и т.п.) он в обязательном порядке получал разрешение вышеперечисленных органов и одобрение от Г.Ф. Александрова на проведение тех или иных работ.

К концу войны, вероятно, Минц решил так или иначе закрепить статус Комиссии и продолжал вести переговоры в Управлении агитации и пропаганды ЦК. В июне 1945 г. он написал члену Управления Н.Н. Маслину докладную записку и составил списки сотрудников Комиссии, аспирантов и докторантов, которых в Комиссии готовили “для работы над историей Отечественной войны” и которых предполагалось оставить для работы в Комиссии. Также он представил список историков, служивших в армии, и просил вызвать их в Комиссию. Минц подчеркивал, что они “должны быть отозваны после реорганизации нашей Комиссии”¹⁰³.

В августе 1945 г. И.М. Разгон направил список сотрудников Комиссии в Управление пропаганды и агитации (Э.Б. Генкина, А.Л. Сидоров, А.А. Белкин, Н.С. Волков, Е.Я. Шрейбер, В.Е. Никитин, Ф.Л. Еловцан, Р.И. Кроль, Г.Н. Анпилов, Н.С. Трусова, Р.И. Голубева, Л.А. Вишеров, А.В. Фохт, А.П. Логинов, Б.Л. Лихтер, М.И. Стишов, С.В. Небольсина-Мусина, Е.М. Грицевская, Л.Д. Петров, В.А. Козлова, Т.Г. Бренейзен, А.И. Шамшина, В.Л. Логинова, В.Ф. Кузин, Е.А. Луцкий, О.Н. Чаадаева, Д.Е. Черменский, Т.А. Волжина, А.И. Геронимус, С.М. Драбкина, И.К. Купреев, А.А. Лаврова, А.Л. Минаев, Р.И. Олыша) и указал, что направить в командировку на Восток лучше Никитина, Еловцан, Вишерева и Грицевскую¹⁰⁴. Таким образом, предполагалось собирать материалы по истории войны с Японией.

15 сентября того же года последовало распоряжение Президиума АН о ликвидации Комиссии, поскольку она выполнила свои задачи¹⁰⁵. 15 ноября состоялось заседание Распорядительного Президиума АН СССР (протокол № 20), на котором академик В.П. Волгин сделал доклад о Комиссии. Постановление гласило:

1. Признать, что Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны, организованная для собирания материалов во время войны, выполнила свои задачи.

2. В связи с окончанием войны считать работу Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны законченной и с 1 декабря ее ликвидировать. Объявить благодарность за проделанную работу профессору Г.Ф. Александрову и чл.-корр. АН СССР И.И. Минцу и всем работникам Комиссии.

¹⁰³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 172.

¹⁰⁴ Там же. Д. 22. Л. 207–210.

¹⁰⁵ На ИРИ РАН. Приказы по Институту истории за 1945 г. Л. 119. (Дело без номера).

3. Материалы Комиссии учесть, составить аннотации и передать в Институт истории.

4. Передать также в Институт истории:

- 35 единиц штата Комиссии
- кандидатскую и докторантскую аспирантуру Комиссии
- библиотечный фонд Комиссии
- хозяйственный инвентарь Комиссии.

5. Образовать в Институте истории специальный сектор для изучения истории Отечественной войны, возложив руководство на члена-корреспондента И.И. Минца.

6. Просить секретариат Главной редакции ИГВ сохранить за сектором помещение, занимаемое Комиссией по составлению хроники Великой Отечественной войны.

7. Остатки ассигнований Комиссии на 1945 год передать в распоряжение Институту истории, для организации работы вновь образованного сектора (подписали Президент АН СССР академик С.И. Вавилов и академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич)¹⁰⁶.

Приказом по Комиссии от 3 декабря 1945 г. ее сотрудники были освобождены от работы с 16 декабря¹⁰⁷ и с того же дня вошли в состав Сектора истории Отечественной войны Института истории (всего 36 человек, включая коменданта, вахтеров и уборщиц). Руководящие должности в секторе заняли И.И. Минц (заведующий), И.М. Разгон (и.о. зам. заведующего), А.Л. Сидоров (руководитель группы истории народного ополчения), Н.С. Трусова (руководитель группы истории партизанского движения), А.А. Белкин (руководитель группы Героев Советского Союза), Н.С. Волков (руководитель группы по изучению тыла в Великой Отечественной войне)¹⁰⁸.

Таким образом, Минцу, который, видимо, продолжал надеяться на создание Института Великой Отечественной войны, удалось сохранить автономность. 10 июля 1946 г. он писал неустановленному лицу (возможно, Е.Н. Городецкому¹⁰⁹): “В пятилетку Института истории мы вставили три темы: история народного ополчения Москвы, разгром немцев под Москвой, Сталинградская битва. Вопрос о работе Комиссии, разумеется, не решен еще. Кто будет заниматься историей Отечественной войны в широком смысле слова, пока еще неизвестно, но уже сейчас, мне кажется, на пять лет можно план увеличить. В частности, надо вставить работы о Героях Советского Союза. Во-вторых, надо вставить какие-нибудь две операции, скажем, Орловско-Курское сражение и, предположим, битва за Белоруссию или что-нибудь в этом роде. Кроме того, необходимо дать название нескольких публикаций документов или воспоминаний. Например: партизанское движение 1941–44 г. в рассказах его участников (белорусский сборник, смоленский сборник, крымский сборник, рейд Ковпака, Наумо-

¹⁰⁶ Там же. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 211.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262а (приказы по Институту истории за 1945 г. по л/с). Л. 178–179.

¹⁰⁹ В газете Агитпропа ЦК “Культура и жизнь” от 30 ноября 1946 г. была опубликована заметка Е.Н. Городецкого о пятилетнем плане работы Института истории АН.

ва и т.п.). Подумайте, посоветуйтесь с товарищами, и завтра мы отошлем в ЦК наш проект”¹¹⁰.

Позицию Минца проясняет также составленный им в июле 1946 г. проект постановления Военного совета бронетанковых механизированных войск о необходимости «приступить к собиранию материалов для составления: а) научно-популярной книги “Советские танкисты в боях за родину” для массового распространения и б) многотомной исследовательской работы о танковых войсках в Великой Отечественной войне». Для создания последней необходимо было создать комиссию из генерал-полковника И.И. Бирюкова, д.и.н. И.М. Разгона, писателя Михаила Брагина. Комиссия должна была разработать докладную записку в правительство с просьбой разрешить подготовку и издание работы. “Первоочередным считать подбор материалов, отражающих роль Верховного главнокомандующего товарища Сталина в создании и руководстве танковых войск”¹¹¹.

В 1946 г. бывшие сотрудники Комиссии, трудясь в секторе Истории Великой Отечественной войны, продолжали опрашивать участников войны, собирать материалы из прессы и литературы, составлять Летопись войны. Они готовили к публикации сборники и брошюры о Героях Советского Союза и боевых операциях Великой Отечественной войны. Но ни одна книга опубликована не была, несмотря на все усилия Минца¹¹².

Весной 1947 г. в Институте истории было принято решение “о слиянии секторов Истории СССР советского периода и Истории Великой Отечественной войны”¹¹³. Это было сделано “в целях усиления исследовательской работы в области истории СССР Советского периода и периода империализма, более правильной расстановки кадров и рационального использования имеющихся сил”. Руководителем был назначен академик И.И. Минц, в состав сектора вошли старшие научные сотрудники: Д.А. Бавевский, А.А. Белкин, Н.С. Волков, Э.Б. Генкина, А.П. Кучкин, Б.Л. Маркус, И.М. Разгон, Н.С. Трусова, П.Н. Шарова; младшие научные сотрудники: Г.Н. Анпилов, М. Барышева (отчество не установлено), И.П. Белецкий, Р.И. Голубева, А.М. Гуревич, Ф.Л. Еловцан, П.И. Ирбиник, Р.И. Кроль, Б.Л. Лихтер, В.Л. Логинова, А.А. Матюгин, Г.Г. Морехина, С.В. Мусина, Л.Н. Нечаева, Е.Б. Петропавловская, Т.А. Ремезова, М.Э. Сорокина, М.И. Стишов, А.Б. Фохт, Е.Я. Шрейбер, С.И. Якубовская. В качестве научно-вспомогательных сотрудников работали Е.М. Грицевская, В.А. Козлова, Б.Е. Корфини, М.П. Лапутина, Р.А. Миркина, З.Н. Печенкова, О.А. Рослякова, А.И. Шамшина, В.И. Шипица, Л.Н. Юркевич. В план была включена работа И.И. Минца “История Великой Октябрьской социалистической революции”, а также: “История народного ополчения” (коллектив авторов), “История партизанского движения 1941–1944 гг.”, “Поражение фашистских войск под Москвой в 1941–1942 гг.”, “Сталинградская битва”, “История

¹¹⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 45. Л. 67.

¹¹¹ Там же. Л. 71–71 об.

¹¹² Там же. Л. 22–25, и др.

¹¹³ Протокол совещания дирекции Института от 4 марта 1947 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 374. Л. 14). Доклад по этому вопросу сделал В.И. Шунков; приказ об образовании сектора от 12 марта 1947 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 18).

Москвы” (том 6, ответственный за подготовку – Б.Л. Маркус)¹¹⁴. Дирекция Института рекомендовала сосредоточить все силы сектора именно на последнем проекте¹¹⁵. Как видим, из состава сектора вышел А.Л. Сидоров, который стал заведовать группой истории СССР периода империализма¹¹⁶.

В 1947 г. в Институте был составлен документ “Основные направления и работы по истории на ближайшее двадцатилетие”, где было указано, что сектор Истории советского общества будет составлять, в числе прочего, “Историю строительства социализма и перехода к коммунизму в СССР (1917–1967)” – 20 томов, а также “Историю Великой Отечественной войны” – 10 томов¹¹⁷. Таким образом, Минц продолжил реализацию своего плана.

Показательно, что в 1947 г. Минц опубликовал книгу “Великая Отечественная война Советского Союза” (подписана в печать 16 января 1947 г.), в которой подчеркивалась роль Сталина в войне. В последней главе “Почему победил Советский Союз в Отечественной войне” приводятся тезисы речи Сталина 9 февраля 1946 г., в которой описаны основные причины, ход войны, приведены цифры о вооружении, численности армий и т.д.¹¹⁸ Однако попытка задобрить вождя и получить его разрешение на написание полноценной истории войны не увенчалась успехом.

Как известно, в конце весны 1947 г. бывший соратник И.И. Минца по Комиссии А.Л. Сидоров резко выступил против него в печатном органе Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) – газете “Культура и жизнь”¹¹⁹. Редактором и членом редколлегии газеты был Г.Ф. Александров, но он сам в это время переживал не лучшие времена, подвергнувшись критике за выпущенную в 1939 г. “Историю западноевропейской философии”¹²⁰. В дальнейшем книгу Минца разбирали и резко критиковали в Институте истории и в Высшей партийной школе¹²¹. Тучи над ним сгущались.

¹¹⁴ Там же. Л. 14–14 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 27.

¹¹⁶ Там же. Л. 28.

¹¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 370. Л. 11.

¹¹⁸ “Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года”. Опубликовано в газете “Правда” 9 февраля 1946 г.

¹¹⁹ Сидоров А.Л. Рец. на кн.: Минц И. История СССР (апрель 1917–1925): Лекции в Высшей партийной школе. М., 1947 // Культура и жизнь. 1947. № 33.

Газета выходила с 28 мая 1946 г. по 28 февраля 1951 г. с периодичностью три номера в месяц. В постановлении ЦК о создании газеты говорилось: “Основной задачей газеты должна являться критика недостатков в различных областях идеологической работы: критические разборы газет, журналов, кинофильмов, театральных постановок, литературных произведений, общественно-политической литературы, радиовещания и т.д.”. См.: Сталин и космополитизм: 1945–1953: Документы / сост. Д.Г. Нажафов, З.С. Белоусов. М., 2005. С. 45. К.М. Симонов в своих воспоминаниях отзывался о газете “Культура и жизнь” как “директивной по своему духу и предназначению” (Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 142). И.Г. Эренбург, вспоминая статьи, публиковавшиеся органом Агитпропа ЦК, писал, что многие из них “выглядели как обвинительные заключения” (Эренбург И.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 492).

¹²⁰ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 86–110.

¹²¹ Сонин А.С. Указ. соч. С. 525–526.

Именно поэтому Минц прилагал немало усилий для того, чтобы сохранить архив Комиссии. Так, летом 1947 г. была составлена “Инструкция о порядке пользования материалами и документами Сектора истории Великой Отечественной войны Института истории АН” за подписью И.М. Разгона. В ней, в частности, говорилось: “Все собранные материалы, включая стенограммы, немедленно сдавать в архив. Делать опись сданного в течение 30 дней. Работать с материалами можно только в читальном зале и с письменного разрешения зав. сектором или зама. Посторонним – только по отношению и разрешению”. Категорически запрещалось выносить материалы из помещений сектора и хранить их дома. Расшифровка стенограмм должна была производиться только в помещении сектора¹²².

Одновременно Минц сделал указание заведующей архивом Комиссии С.В. Небольсиной-Мусиной: “В дополнение к распоряжению тов. Разгона относительно прекращения выдачи каких бы то ни было справок из собранных нами материалов прошу Вас еще раз тщательно проверить состояние наших материалов и привести хранение этих материалов в точное соответствие с инструкциями. Что касается материалов, то необходимо учесть, что у нас собственно архива нет, а есть материалы, которые мы собирали для будущей истории. Материалы эти носят характер научных работ сотрудников. Архивные же материалы в собственном смысле этого слова хранятся в соответствующих архивах. Поэтому наши материалы не подлежат выдаче или использованию за исключением наших сотрудников, и то с моего разрешения или разрешения моего заместителя. Очень Вас прошу еще раз проверить состояние архива. Если Вам нужны дополнительные работники, укажите, мы Вам дадим необходимое количество сотрудников. Академик И. Минц. 26.7.47”¹²³.

При этом работа сектора над историей войны и другими заявленными темами продолжалась. В отчете Института за 1947 г. было указано, что сотрудники работали по следующим темам: “Москвичи в обороне” (сб. статей, бригадир – М.И. Стишов), “Национализация земли в РСФСР” (сб. документов, ответственный Е.А. Луцкий), “Образование СССР” (сб. документов, составители – Э.Б. Генкина, Р.И. Голубева, С.И. Якубовская). Были сданы работы: “Женщины на фронтах Великой Отечественной войны” (сб. документов, составитель – Н.С. Трусова, был принят к изданию Профиздатом, 12 п.л.), “Герои битвы за Днепр, 1943 г.: сборник воспоминаний Героев Советского Союза” (составитель – Р.И. Кроль. Подготовлен и отредактирован, 12 п.л.), “Сражение за Москву: Хроника. Основные даты” (составители – Г.Н. Анпилов, М.Э. Сорокина. Подготовлен, 7 п.л.)¹²⁴.

Однако эти усилия ни к чему не привели. О том, что произошло, красноречиво свидетельствует цитата из отчета о работе сектора за 1948 г., подписанного и.о. заведующего сектором А.П. Кучкиным: “В жизни сектора отчетный 1948 г. прошел под знаком критического анализа причин отсутствия опубликованных крупных научных трудов Сектора и под знаком

¹²² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

¹²³ Там же. Л. 2.

¹²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 19.

перестройки работ его. За 10 лет своего существования Сектор не выпустил в свет ни одного коллективного научного труда, ни одной крупной монографии по истории СССР советского периода. Справедливая критика научной общественности, направленная на нетерпимую отсталость Сектора, заставила Дирекцию Института и Сектора продумать причины отсталости и наметить некоторые мероприятия по ликвидации ее. Одним из этих мероприятий был пересмотр состава сотрудников Сектора и удаление из него бездельников, слабых работников и несоответствующих профилю работ Сектора. Вместо освобожденных подбирались Сектором новые кадры. Состав сотрудников сектора за отчетный год обновился более чем на одну треть. На подбор этих новых кадров Сектор затратил много сил и времени. Влившаяся в Сектор Комиссия по истории Великой Отечественной войны в отчетном году была Дирекцией ликвидирована. Функции ее были переданы Военному сектору Института истории вместе с частью штатных единиц. Все это нашло свое отражение на состоянии и выполнении плана Сектора истории советского общества на 1948 год”¹²⁵.

Действительно, из плана работы сектора были убраны работы, авторы которых были уволены (в тексте не конкретизированы):

1. Поражение немецко-фашистских войск под Москвой в 1941–1942 гг. (коллективный труд);

2. Сталинградская битва в 1942–1943 гг. (коллективный труд);

3. Очерки истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (монография);

4. История СССР в 1918–1923 гг. (статья для тома Всемирной истории);

5. Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (монография);

6. Переход к сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса в 1929 г. (сборник документов).

Основные научные работники Сектора сосредоточились на шестом томе “Истории Москвы” (1917–1941)¹²⁶.

По всей видимости, атака на сектор началась в конце 1947 г. Но Минц старался укрепить позиции и надеялся сохранить состав сотрудников и направления работы¹²⁷.

С 15 января по 27 февраля 1948 г. была проведена последняя командировка в рамках работы бывшей Комиссии: Ф.Л. Еловцан для работы над сборником “Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” ездила в Минск и Могилев, где провела 4 беседы¹²⁸.

¹²⁵ Там же. Д. 453. Л. 1.

¹²⁶ Там же. Л. 2.

¹²⁷ Сохранился черновик письма Минца академику Н.Г. Бруевичу от 26 января 1948 г., из которого видно, что он старался укрепить позиции сектора: “Уважаемый Николай Григорьевич! Согласно вашего указания я закончил переговоры о привлечении новых старших научных сотрудников в состав Сектора истории советского общества И[нститута] и[стории] – Чугаева, чл. ВКП(б) с 1918 г., Федосова П.М. чл. ВКП(б) с 1917 г., Чаадаевой О.Н. – с 1919 г.” (НА ИРИ РАН. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 45. Л. 261).

¹²⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 453. Л. 43а.

Упомянутая в отчете проверка младших научных сотрудников сектора была осуществлена не позднее начала февраля 1948 г.¹²⁹ Вскоре после этого Минц подал в Президиум АН СССР просьбу об освобождении его от должности зав. сектором, которая была удовлетворена 7 июня 1948 г.¹³⁰ 2 апреля 1948 г. было решено перевести сектор с ул. Коминтерна в здание Института на ул. Волхонка¹³¹. 7 июня 1948 г. на совещании дирекции Института было принято следующее решение: “В целях упорядочения хранения рукописей организовать их хранение непосредственно при Дирекции Института. Для приведения в порядок рукописей и их хранения выделить 3 штатные единицы. Обязать сектора к 1 июля с.г. сдать в Дирекцию Института имеющийся в секторе научный архив”¹³². В тот же день Минц сделал последнюю попытку хоть как-то продолжить начатое дело: на заседании он вместе с Е.А. Луцким и И.Б. Берхиным предложил включить в план работы Военно-исторического сектора создание книг: “Краткая научно-популярная история Великой Отечественной войны”, “Сражение за Москву”, “Сталинградская битва”¹³³.

Остается добавить, что библиографическая группа Комиссии, которая затем работала в рамках сектора, была ликвидирована в сентябре 1948 г., а ее сотрудники уволены¹³⁴.

После этого началась работа по разбору и систематизации архива Комиссии, которая не была закончена в связи с загруженностью сотрудников¹³⁵.

Затем, согласно отчету ОРФ, в 1953 г. по распоряжению ГАУ МВД СССР материалы Комиссии, находившиеся в ОРФ, были проверены и “пересистематизированы”: были выделены в отдельные группы документы, стенограммы, очерки и рукописи, дневники, разное (письма, песни, стихи, листовки, газеты). После этого “документы как подлинные, так и копии 1-го раздела по истории воинских частей по указанию Генерального штаба МО были переданы в Подольский архив МО СССР. Для этого часть дел заново переделывалась”. Около 500 дел были скомплектованы вновь из россыпи и описаны вторично по форме Архива МО СССР. 550 дел также из россыпи были вновь обработаны для внутреннего пользования. 2827 дел передали в разные учреждения, 391 единица хранения, по согласованию с ГАУ и Главлитом, уничтожена и примерно 20 000 дел систематизированы и упорядочены по группам. Около 2000 дел (материалы по партизанскому движению) просмотрены полностью с точки зрения их содержания. Среди них были выявлены дела, подлежащие “дальнейшей передаче и уничтожению”, что предполагали исполнить в 1954 г.

Было “полностью ликвидировано существовавшее в ОРФ особое хранение материалов” по войне. Некоторые материалы уничтожили, другие передали в Фундаментальную библиотеку АН СССР (известно, что часть

¹²⁹ Там же. Д. 423. Л. 4.

¹³⁰ Там же. Л. 11; Ф. 1. Оп. 1. Д. 416а. Л. 67.

¹³¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 423. Л. 11.

¹³² Там же. Л. 26–27.

¹³³ Там же. Л. 27.

¹³⁴ Там же. Л. 38.

¹³⁵ См. отчеты о работе ОРФ за 1949–1952 гг.: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570, 677, 756, 873.

библиотечного фонда хранилась в усадебном комплексе “Узкое” (вероятно, в здании церкви), в котором располагался санаторий Академии наук)¹³⁶. Инвентарные книги, описи и все оставшиеся на особом учете материалы и документы по войне были сданы в секретную часть Института. Ряд материалов особого хранения вошли в общие фонды по Великой Отечественной войне ОРФ¹³⁷. К сожалению, нам не удалось выявить акты, указывающие на то, какие именно дела изымались из архива Комиссии для передачи в другие учреждения или уничтожения.

Возможно, именно Минц настоял на том, чтобы наиболее ценные материалы, собранные Комиссией, засекретили и вывезли на особое хранение в “Узкое”, мотивируя это тем, что если бы папки попали в какие-то другие архивы, то их никто никогда бы не увидел¹³⁸.

Завершая краткую характеристику материалов архива, приведем мнение зав. ОРФ С.В. Небольсиной-Мусиной, которая работала в Комиссии с 1945 г.: “Здесь собран и продолжает поступать большой и ценный материал по истории Великой Отечественной войны. Он является ценным источником для научной разработки вопросов истории Великой Отечественной войны”¹³⁹.

Значимость архива Комиссии состоит, прежде всего, в том, что он собирался не хаотично, а в соответствии с идеей создания Института Отечественной войны. При этом, по воспоминаниям М.Г. Седова, Минц утверждал, что “страна должна знать все!”¹⁴⁰

Для выполнения этой грандиозной задачи Минц разработал специальную методику, хотя на одном из первых заседаний у Г.Ф. Александрова ему было «предложено использовать весь опыт редакции “Истории Гражданской войны”»¹⁴¹. Правда, и так многие элементы работы Истпартов, редакции “Истории фабрик и заводов”, ИГВ активно использовались Минцем, в частности, базой исторических исследований была составлявшаяся на основании документов, публикаций и воспоминаний подробнейшая летопись (хроника) событий¹⁴².

¹³⁶ Аудиозапись.

¹³⁷ Отчет о работе ОРФ за 1953 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 960. Л. 5–6).

¹³⁸ Аудиозапись. Часть документов была возвращена из “Узкого” в Институт в 1956 г. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1267. Л. 8.

¹³⁹ Докладная записка зав. ОРФ Института истории С.В. Мусиной. 1949 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Без пагин.).

¹⁴⁰ Аудиозапись. Приведем также выдержки из письма И.И. Минца секретарю Пятигорского горкома ВКП(б) Храмкову (13 июня 1945 г.): “...Я знаю из рассказов как Ваших товарищей, так и участников партизанского движения Краснодарского края всю тяжелую историю, выпавшую на долю Вашей группы. Я думаю, в этих рассказах много личного, субъективного. Поэтому просто необходимо, чтобы Вы уделите один-два вечера нашим научным сотрудникам и рассказали бы все подробности Вашего трудного пути и тяжелой борьбы, которую вела Ваша группа в горах. Нам Вы можете рассказать *все*. Этот ценный материал будет необходим для воссоздания подлинной истории борьбы с немцами на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны” (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 28. Л. 162).

¹⁴¹ Минц И.И. Из памяти... С. 48.

¹⁴² См., например: *Калинкина Е.А.* Деятельность истпартов Южного Урала по подготовке хроник революционных событий // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2008. № 34, вып. 27. С. 48–54.

Группа летописи/хроники Комиссии создавала летопись на основании газетных сообщений (обрабатывались как центральные, так и местные, а главное – фронтовые газеты), Хроники ТАСС, сводок Информбюро. В дальнейшем в нее стали включать сведения из стенограмм бесед с участниками событий. Составление продолжалось и после окончания войны. Сотрудники проделали огромную работу, поскольку во время войны в прессе были опубликованы десятки тысяч сообщений. Зачастую именно сведения из газет служили началом работы над очерками о героях фронта и тыла, о различных боевых операциях.

Использовались и другие начинания редакции ИГВ. Л.М. Зак вспоминала, что Комиссия разрабатывала тему “Женщины на войне”, потому что в ходе работы над ИГВ был подготовлен сборник “Женщины в Гражданской войне”¹⁴³.

Однако опыт стенографирования рассказов участников революционного, рабочего движения и Гражданской войны, которое производилось в 1930-е годы, нельзя было использовать механически. Обстановка была совершенно иной. Если раньше рассказы отстояли от непосредственных событий на десять и более лет, то теперь этот интервал значительно сократился – в отдельных случаях до месяца¹⁴⁴. Решение о том, кого интервьюировать, что именно спрашивать и с какой целью, принималось не в тиши кабинета, а в условиях боевых действий, в быстро изменяющейся фронтовой действительности.

По всей видимости, схему сбора материалов о войне Минц разработал к началу декабря 1941 г. 7 декабря 1941 г. он вместе с Е.Н. Городецким побывал в упомянутой выше 3-й Московской коммунистической дивизии. Там он застал “целую группу научных и партийных работников”, с которыми был много лет знаком: А.Л. Сидоров, Б.В. Можарская, С.П. Партигул. “Такой состав можно было бы распределить, по меньшей мере, по трем-четырем дивизиям. Зачем держать их в одном месте? Напрасная растрата сил”. 8 декабря, во время посещения 5-й Московской дивизии, Минц встретил философа Ф.И. Хасхачих¹⁴⁵ и будущего сотрудника Комиссии историка М.Г. Седова, которые служили рядовыми. “Тут та же картина”, – заметил он¹⁴⁶. Минц хотел, чтобы профессиональные историки, филологи, философы, экономисты, служившие в тех или иных воинских подразделениях (многие уходили на фронт добровольцами), создавали их истории.

Минц также предполагал использовать опыт военных специалистов для описания боевых операций, при этом творчески обогащая их

¹⁴³ Аудиозапись.

¹⁴⁴ Интересно, что во время войны в отрезанном от мира Ленинграде именно сотрудники “Истпарта” собирали документальные материалы о жизни блокадников, стенографировали беседы с жителями города. См.: *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // *Новейшая история России.* 2012. № 2. С. 74.

¹⁴⁵ Хасхачих Федор Игнатьевич (1907–1942) – доктор философских наук, декан философского факультета МИФЛИ. Вместе со своими студентами вступил в ополчение Ростокинского района Москвы. Заменив погибшего комиссара полка (875-й полк 22-й армии), взял на себя командование боем и 5 ноября погиб на переднем крае. Его фронтовые письма к сестре хранятся в фонде Комиссии, см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IX. Оп. 10. Д. 9.

¹⁴⁶ *Минц И.И.* Из памяти... С. 46–47.

собранными Комиссией материалами. Например, он говорил в письме к Ф.Ф. Кузнецову от 20 марта 1942 г.: «Работа над историей обороны Москвы приняла такой характер, который требует приступа к составлению отдельных очерков. Очерк операций по обороне Москвы будет составлять Военно-исторический отдел Генштаба РККА совместно с нами. Сборник этот предназначался для армии. Одновременно мы развернем эту же работу в книгу для широких масс по типу тома «Истории Гражданской войны»»¹⁴⁷.

Главным критерием книги «для масс» (и не только) Минц считал яркость и образность языка, доступность изложения¹⁴⁸. Как и в работе над первым томом ИГВ, он начал привлекать к написанию книг о войне советских писателей. При этом оговаривалось, что они должны лишь проводить литературную обработку собранных сотрудниками Комиссии материалов, строго придерживаясь фактов¹⁴⁹.

К работе в Комиссии в той или иной степени были привлечены многие писатели. Так, батальонный комиссар М.Б. Колосов¹⁵⁰ писал о 176-й стрелковой дивизии и других частях 9-й армии, «собирал материалы и часть опубликовал по истории одной из дивизий южного фронта и работал над ростовской операцией»¹⁵¹. В сентябре 1942 г. Минц написал в политуправление Сталинградского фронта с просьбой принять Колосова и дать ему возможность собирать материалы о Героях, а также работать над историями гвардейских частей¹⁵². М.Б. Колосов вместе с Л.И. Брежневым был на Малой Земле, что дает повод думать, что он способствовал знакомству Минца и Брежнева¹⁵³.

Минц прикомандировал к Комиссии литератора С.В. Рубека¹⁵⁴, журналистку Н.И. Мончадскую, писателей И.И. Крестовского¹⁵⁵, Э.Б. Харитоновича¹⁵⁶, В.А. Каверина, Е.А. Немирову, П.И. Капицу, М.Д. Ромма,

¹⁴⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

¹⁴⁸ См. об этом подробнее в интервью И.И. Минца журналу «Вопросы истории» (1968. № 8. С. 184–185). Именно с этим принципом связан его конфликт с В.И. Шунковым, работу о рабочих коммунистических батальонах Минц раскритиковал именно за сухость изложения. Более того, он настаивал на том, чтобы Шунков переписал работу для того, чтобы иметь возможность ее опубликовать. Благодарю А.В. Мельникова за указание на этот факт.

¹⁴⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 116 об.

¹⁵⁰ Прикомандирован в первой половине 1942 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 26, 35).

¹⁵¹ См.: Колосов М.Б. Люди и подвиги: Очерки и рассказы. М., 1942.

¹⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 92.

¹⁵³ <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer3/Ejلمانl.php>.

По свидетельству А.П. Ненарокова, именно по решению Брежнева Минц получил в 1968 г. орден Ленина (сообщено Й. Хелльбеком).

¹⁵⁴ Батальонный комиссар. Осенью 1942 г. на Калининском фронте составлял очерки о Героях – летчиках истребительной бомбардировочной и штурмовой авиации и историю двух гвардейских авиационных полков (1-го истребительного и 1-го штурмового).

¹⁵⁵ Прикомандирован в мае 1942 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 27). В 1965 г. опубликовал книгу очерков «Письмо в Ракитное», основанных на письмах фронтовиков.

¹⁵⁶ Писал очерки для сборника «Былые разведчики», готовившегося Генштабом РККА (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 30. Л. 214).

Б.Л. Яглинга и других. Писатель И.И. Шкадаревич¹⁵⁷ в рамках работы с Комиссией опубликовал 24 июня 1943 г. в красноармейской газете Северо-Западного фронта “За Родину” очерк “Ценой жизни” об Александре Матросове, написанный на основе бесед с очевидцами боя за деревню Чернушки. Профессиональный военный и писатель М.Б. Брагин написал книгу “Великое сражение под Сталинградом” (Куйбышев, 1943). В Комиссии работал также писатель З. Фазин (Факторович), знакомый Минцу еще по редакции ИГВ, он собирал материалы об обороне Одессы и Севастополя. По заданию Комиссии А.А. Бек, работавший в свое время в редакции “Истории фабрик и заводов”, осенью 1942 г. писал историю 8-й гвардейской дивизии И.В. Панфилова (также работал над историей 9-й гвардейской стрелковой дивизии). Получив по просьбе Минца разрешение начальника политотдела, он стенографировал “активных участников” боев – командиров, комиссаров, политработников¹⁵⁸. По этим материалам была написана известная книга “Волоколамское шоссе” (впервые напечатана в 1945 г.)¹⁵⁹.

Как отмечалось выше, главной задачей, стоявшей перед создателями как “Истории фабрик и заводов”, “Истории Гражданской войны”, так и истории Великой Отечественной войны, было показать человека в качестве создателя своей судьбы. Минц постоянно подчеркивал, что писать историю должны ее творцы. Например, он так обращался к знакомым политработникам (3 августа 1943 г.): “Я прочитал историю Вашей части, созданную коллективом Ваших же офицеров и бойцов... Книга Ваша сделана очень любовно. Значение ее в том, что она писалась по свежим следам, писали ее те же, кто делал эту историю. Будущее пополнение будет Вам крайне признательно за проделанную работу. Эту работу нужно продолжить, по мере накопления материала создать вторую часть истории”¹⁶⁰.

Помимо книг “для масс” Минц собирался писать серьезные книги о военных операциях. Именно для этого ему потребовалось разрешение А.С. Щербакова на опрос командующих армиями, а также других активных участников боевых действий. Главным в этом деле было установление контакта с людьми. И Минц прекрасно умел это делать. Например, 14 февраля 1942 г. он провел беседу с командармом 5-й армии генерал-лейтенантом Л.А. Говоровым¹⁶¹. Л.М. Зак вспоминала, что Говоров с трудом шел на контакт, но Минц поговорил с ним, прочитал стихи Бернса и смог разговорить знаменитого “Генерала Можайского”¹⁶².

8 марта 1942 г. И.И. Минц записал: “Случайно попал к гвардейцам из корпуса Доватора [...] Условились с гвардейцами о приезде в корпус, чтобы наладить составление истории”¹⁶³.

Впоследствии, если Минц не мог сам выехать на фронт, он писал командармам соответствующие письма. Например: “Командующему

¹⁵⁷ Прикомандирован не позднее июля 1942 г., собирал материалы о партизанском движении в Беларуси (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 154; Д. 28. Л. 58).

¹⁵⁸ Там же. Д. 24. Л. 89, 105.

¹⁵⁹ Стенограммы бесед, проведенных А.А. Беком, в архиве Комиссии не отложились.

¹⁶⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 322.

¹⁶¹ Там же. Раздел I. Оп. 21. Д. 1.

¹⁶² Аудиозапись.

¹⁶³ Минц И.И. Из памяти... С. 60–61.

62-й армией генерал-лейтенанту Чуйкову. Дорогой товарищ! Я прекрасно понимаю, насколько Вы заняты, и вам, очевидно, не до истории, но рассказать о сталинградской эпопее всему народу – значит усилить обороноспособность страны, значит вдохновить наших героев на новые подвиги. Поэтому я позволяю себе отнять у Вас несколько минут по следующему поводу: по решению ЦК ВКП(б) и МК создана комиссия по созданию истории Великой Отечественной войны. Председатель Комиссии – начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Александров. Мы уже приступили к собиранию материалов. Разумеется, в первую очередь нужно собрать материал о величественной борьбе сталинградских героев. Для этой цели будет создана особая группа в составе научных работников и военных историков. ... В состав этой группы войдет писатель (автор книги о Кутузове) тов. Брагин. Он выезжает в Сталинград, чтобы обсудить вопрос об организации работы группы. Комиссия просит Вас вырвать из своего столь загруженного времени 10 минут и переговорить с тов. Брагиным о начале работы. Глубоко уважающий Вас Зам. председателя Комиссии член-корр. АН Минц” (письмо датировано 15 декабря 1942 г.)¹⁶⁴.

Не менее проникновенное письмо Минц 21 января 1943 г. написал генералу армии И.Е. Петрову с просьбой об интервью об обороне Одессы и Севастополя¹⁶⁵.

11 марта 1944 г. Минц написал письмо генерал-полковнику И.Д. Черняховскому с просьбой помочь составить историю 60-й армии: “В задачу майора Федосова¹⁶⁶ входит застенографирование в первую очередь высшего командования и по Вашему указанию наиболее выдающихся командиров дивизий и отдельных частей. Запись личных рассказов командования будет иметь для истории огромное значение. ...”¹⁶⁷

Посылая к командармам своих “эmissаров”, Минц просил кратко рассказать о боевом пути армии¹⁶⁸, он также предлагал командармам создавать научно-исследовательские группы, которые должны были работать вместе с научными сотрудниками Комиссии и писать истории армий “систематически”¹⁶⁹. Минц старался устанавливать контакты с командармами лично, иногда проводил в армиях по десять дней. Его ждали, просили приехать и писать историю армии¹⁷⁰. Справедливости ради нужно отметить, что и другие сотрудники Комиссии устанавливали теплые отношения с командующим и офицерским составом.

Заручившись поддержкой командарма, Минц обращался к начальнику политотдела армии, чтобы тот помог организовать работу на уровне дивизий. Например, 18 марта 1942 г. он составил следующее письмо: “Начальнику политотдела 50-й армии. Соответствующим решением создана Комиссия по составлению истории обороны Москвы. Так как 50-я армия

¹⁶⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 140.

¹⁶⁵ Там же. Л. 168.

¹⁶⁶ Федосов Петр Михайлович (1897–1974) – историк, прикомандирован к Комиссии в начале 1942 г. наст. изд., с. 167–176.

¹⁶⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 29–29 об.

¹⁶⁸ Там же. Д. 24. Л. 1.

¹⁶⁹ Там же. Л. 8 об., 18.

¹⁷⁰ Там же. Л. 19.

принимала выдающееся участие в этой обороне, то, естественно, нельзя составить истории обороны Москвы без истории Вашей армии. Я позволю себе выслать Вам подробное письмо с указанием, что можно сделать в армии для создания книги по истории армии. ... Историю армии нельзя писать без истории дивизий. Тов. Попов, не раз писавший уже по вопросам военной истории, хочет взять на себя составление очерка по истории 290-й дивизии, принимавшей участие в обороне Тулы. О характере работы над историей дивизии мы с т. Поповым говорили и познакомили его с образцами истории других дивизий. Очень вас прошу заслушать его доклад, и если у вас возражений нет, то оказать т. Попову необходимую поддержку”¹⁷¹.

Минц также писал и членам военных советов армий с просьбой помочь описать конкретные операции, по возможности сам беседовал с ними. Также старался получить написанные военными очерки о стратегии и тактике проведения тех или иных боевых операций, чтобы включить их в истории дивизий, написанные сотрудниками Комиссий¹⁷². Кроме того, он просил присылать экземпляры историй полков и дивизий, созданных без участия Комиссии, для копирования, а если узнавал, что где-то пишут историю армии, то просил разрешить Комиссии принять в этом участие¹⁷³.

Просьбы о написании истории армий, дивизий Минц сопровождал методическими рекомендациями. Главным принципом создания истории части он считал непрерывность на основе ежедневной хроники. “Это будет костяк – основа для составления истории части. Помимо этого накапливается большой и разнообразный материал: письма, отдельные приказы, интересные политдонесения, подшивки многотиражек, боевые листки, договора и т.п. Этот материал необходимо ... собирать и тщательно хранить”. Ссылаясь на то, что в боевых условиях хранить эти материалы сложно, Минц предлагал пересылать их в Комиссию “с оказией”. Он гарантировал сохранность материалов “в нескораемом шкафу”, а также использование их в качестве источника по истории части¹⁷⁴.

Минц высылал в армии и дивизии инструкции по составлению хроники, а также выдержки из хроник боевых частей, уже полученных Комиссией. Авторам хроник он предлагал обращаться к начальникам политотделов за помощью в работе. Кроме того, просил собрать материал о Героях Советского Союза, которые находились в армии или части, – «полный материал о их боевых подвигах, биографии, отзывы и рассказы командования, боевых товарищей, письма, фотографии, документы и т.п. – мы готовим большую книгу в нескольких томах – “Герои Советского Союза”». Все работы должны были вестись с ведома начальника политотдела армии¹⁷⁵. В этой работе главное участие принимали батальонные комиссары, политруки, члены редакций дивизионных газет. Много зависело от наличия творческих и научных работников в воинских частях. Минц старался людей из дивизий прикомандировывать к Комиссии на время окончания работы, редактирования текста и т.д.

¹⁷¹ Там же. Л. 2.

¹⁷² Там же. Л. 4, 250.

¹⁷³ Там же. Л. 32, 93.

¹⁷⁴ Там же. Л. 5.

¹⁷⁵ Там же.

По мнению Минца, в истории армии должны были быть отражены:

– описания боевых эпизодов, причем подразделений всех уровней: роты, батальона, полков;

– крупные дивизионные операции, итоговые выводы по армии;

– организация политработы в армии: “Показать, как политотдел обеспечивает выполнение замыслов командования, а также с конкретными формами политработы. Привести один-другой пример работы дивизионной партийной комиссии, дать несколько картинок, рисующих прием в партию бойцов и командиров, и т.д.”;

– связь с партизанским движением, помощь армии населению, поскольку “нынешняя война – глубоко-народная по характеру”;

– сведения о немецкой армии: “необходимо показать лицо врага, иначе выходит, что армия дерется в безвоздушном пространстве. ... Нельзя по одним письмам характеризовать лицо врага. ... Надо дать врага в натуральную величину. Тогда особенно ярко будет выглядеть героизм армии”;

– материал, который помог бы понять замысел командования при разработке той или иной крупной операции¹⁷⁶.

Историю армий планировалось создавать на основе историй дивизий. Срок написания таких историй, по мнению Минца, должен был составлять 3–4 месяца¹⁷⁷. Публиковать эти истории хотели с иллюстрациями, для чего собирали фотографии и рисунки.

В помощь тем, кто писал историю дивизий, Комиссия разрабатывала специальные инструкции. Например, сохранился очень подробный план создания истории дивизии народного ополчения Ленинградского района, который был передан полковнику П.К. Живалеву и полковому комиссару А.П. Логинову. План этот показывает высокую осведомленность составителей, поскольку в нем упомянуты все этапы боевого пути дивизии¹⁷⁸. Аналогичная инструкция была разработана для 3-й гвардейской стрелковой дивизии¹⁷⁹. Отдельным пунктом был выделен раздел “Быт дивизии” (устройство блиндажей, обмундирование, питание, устройство бань, распорядок дня).

К концу 1942 г., на основе накопившегося опыта, в Отделе истории воинских частей (Военном отделе) Комиссии разработали обобщенную Инструкцию для работы (на восьми листах), в которой была обоснована необходимость написания историй дивизий, предложены методы сбора материала, а также сказано, что “не все следует раскрывать”. Примечательна следующая мысль, высказанная в документе: “Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имели записанную боевую историю”¹⁸⁰.

В ходе этой большой работы Минц предлагал публиковать “для передачи традиций и опыта краткие брошюры по истории отдельных частей”¹⁸¹. Кроме того, он считал, что эти брошюры помогут “организовать приток

¹⁷⁶ Там же. Л. 34; Д. 26. Л. 19.

¹⁷⁷ Там же. Д. 24. Л. 169.

¹⁷⁸ Там же. Л. 99, 100–100 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 44. Л. 28–30.

¹⁸⁰ Там же. Д. 7. Л. 34–41. Б/д.

¹⁸¹ Там же. Д. 24. Л. 8, 8 об.

материалов в Комиссию”, вызвав интерес всех участников событий¹⁸². В брошюре должны были быть показаны: историческая справка, боевой путь и характеристика важнейших сражений, а также люди, их боевые дела, боевые традиции части, все наиболее значительные явления из жизни части¹⁸³. Эти материалы планировали положить в основу “больших исследовательских работ”¹⁸⁴.

Сотрудникам Комиссии иногда удавалось собрать в дивизиях огромный материал. Об этом свидетельствует, например, следующий документ: “5 августа 1942 г. Справка. Настоящим удостоверяется, что Комиссией по истории Отечественной войны Академии наук СССР приняты от зам. нач. политотдела 130 с.д. батальонного комиссара Н.М. Анцеловича архивные материалы политотдела 130 с.д. в количестве 17 папок с 1112 листами дел. Прием произведен по поручению Комиссии по истории Отечественной войны политруком В.И. Шунковым. Зам. Пред. Комиссии член-корр. АН СССР И. Минц”¹⁸⁵.

В 1943 г., когда рамки работы Комиссии расширялись (планировались большая энциклопедия Героев Советского Союза, сборники о городах-героях), Минц попытался создать группу военных историков при Комиссии, что ему, правда, не удалось¹⁸⁶. Однако были организованы защиты кандидатских и докторских диссертаций по истории тех или иных воинских частей¹⁸⁷. Это также могло способствовать трансформации Комиссии в Институт.

Поскольку основной концепцией Минца было именно создание истории ее творцами, то важнейшим источником для создания эпопеи войны становились рассказы участников, и это неоднократно подчеркивалось в переписке Комиссии. Выше упоминалось, что многие писатели создавали свои книги и очерки на основе стенограмм. И это не было случайностью. Минц вообще рассматривал рассказы участников как основной источник информации или равноценный официальной документации. Например, история 6-й дивизии народного ополчения (Дзержинского района Москвы) была написана научным сотрудником Комиссии А.Л. Минаевым “по материалам-стенограммам: организаторов дивизии, представителей РК ВКП(б), райвоенкомата, партруководителей предприятий и учреждений района и непосредственных участников-ополченцев командно-политического и рядового состава, а также по документам РК ВКП(б) о дивизии народного ополчения”¹⁸⁸. В апреле 1943 г. Минц сообщал командиру 299-й стрелковой дивизии генерал-майору Г.В. Бакланову о том, что Комиссия «подготавливает книгу “Героическая оборона Сталинграда в рассказах ее участников”. В нее войдут стенографические записи рассказов выдающихся командиров, политработников и бойцов [...] Если Вы лично будете в

¹⁸² Там же. Л. 26, 75.

¹⁸³ Там же. Л. 289.

¹⁸⁴ Там же. Л. 26.

¹⁸⁵ Там же. Л. 78.

¹⁸⁶ Там же. Л. 244.

¹⁸⁷ *Минц И.И.* Из памяти... С. 79.

¹⁸⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.

Москве, то стенографическая запись Ваших рассказов была бы историко-документальным материалом»¹⁸⁹.

Более того, Минц считал стенограммы в высшей степени надежным источником: «Наша история создается и пишется одновременно. ... В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении»¹⁹⁰.

Как говорилось выше, Минц выезжал в действующую армию на Западный фронт в декабре 1941 г. Неизвестно, проводил ли он там какие-либо беседы. Самая ранняя стенограмма, отложившаяся в архиве Комиссии (помимо записей рассказов партизан и мирных жителей), – это упоминавшаяся запись беседы с Л.А. Говоровым, которую Минц провел 14 февраля на командном пункте 5-й армии в деревне Шохово Можайского района. Стенограмма этой беседы – одна из немногих, в которой зафиксированы вопросы, которые задавал опрашивающий¹⁹¹. Поэтому она чрезвычайно важна для понимания методики сбора информации, использовавшейся Комиссией.

Во-первых, виден формуляр стенограммы: указывалась дата и место записи, фамилия опрашивающего и стенографистки, фамилия и должность опрашиваемого, фамилии и должности присутствовавших при беседе (к сожалению, эти данные приводились не всегда).

Во-вторых, читается алгоритм опроса и основные его цели. Приведем обширную цитату, которая показывает эти моменты: «Стенограмма беседы с командующим 5-й армией генерал-лейтенантом Говоровым Леонидом Александровичем. 14.02.42. Деревня Шохово Можайского района, командный пункт. Стенографировала А[настасия] Ш[амшина]»¹⁹². Беседу проводит тов. Минц. Присутствуют: Член В[оенного] с[овета] бригадный комиссар [П.Ф.] Иванов, полковой комиссар Рязанов.

Тов. Минц: Задачей нашей комиссии является собирание материалов. Мы на первом заседании Комиссии решили наладить предварительную работу, связаться с кем следует, разработать план и после этого приступить к работе. Трудность нашей работы по написанию истории прямо противоположна тому, что, скажем, было при создании «Истории Гражданской войны». Тогда трудность состояла в том, что не было материалов, люди забыли. А теперь трудность другая – материалов так много, что боишься потонуть в них. Мы так распределили работу, чтобы, во-первых, не потонуть в материале, не все брать, а только то, что типично для войны; во-вторых, поставить работу таким образом, чтобы никому не надоедать и вместе с тем, чтобы не было у нас параллелизма, повторений, и чтобы был интерес у тех, кому мы надоедаем. Мы решили сочетать интересы тех,

¹⁸⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 270–270 об.

¹⁹⁰ Там же. Д. 7. Л. 37.

¹⁹¹ Вопросы зафиксированы в стенограммах бесед, проводившихся с партизанами. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел II. Оп. 1. Д. 116 (документы партизанских отрядов Можайского района); Оп. 2. Д. 5а (стенограмма бесед с партизанами Высоковского района).

¹⁹² Анастасия Ивановна Шамшина работала стенографисткой еще в редакции ИГВ. Считалась лучшей стенографисткой Комиссии, Л.М. Зак характеризовал ее стенограммы как «шедевр».

кому надоедаем, с интересами общественными. Скажем, мы надоедаем тов. Говорову, который недаром прозван генералом Можайским, т.к. мы решили написать историю 5-й армии. Нужно передать опыт новым дивизиям. Приходят новые дивизии, нужно дать им прочитать сотню строчек: вот, ребята, прочтите, куда вы пришли, что должны делать. Когда мы поможем создать историю армии, может быть, на нас не будут так ругаться за надоедливость и помогут в нашем большом деле.

Вот принцип построения нашей работы. Я уже докладывал бригадному комиссару Иванову, и мы пришли к выводу, что нам охотно помогут познакомиться с доступными материалами, мы поможем составить историю 5-й армии и одновременно получим нужный нам материал. Как мы будем составлять историю 5-й армии? Мы решили разбить ее на два этапа. Этап первый: если мы будем ждать, пока отложится все, материалы соберем, люди расскажут, мы за пять лет не соберем этого материала. Поэтому мы решили дать пока сухой очерк: армия образовалась тогда-то, командиры пришли тогда-то. Это можно сделать в месяц. А вместе с тем мы наладим работу по изучению отдельных отраслей с тем, чтобы по мере вашего продвижения у нас откладывался материал, и мы накопим материал для большой книги. Само собой разумеется, что на всех этих этапах вас мы беспокоить не будем, это мы сделаем с помощью тов. Иванова. К вам только просьба: не можете ли вы нам уделить 10–15 минут для ответа на вопросы. Мы не заставим вашу память напрягаться. Я смотрел вашу анкету. Эта анкета нас не устраивает. Меня интересуют простые вещи. Во-первых, где вы родились, в каком районе?»¹⁹³

Далее следует подробнейший рассказ Говорова о себе, в ходе которого генерал постепенно перешел к событиям начала войны (безусловно, беседа заняла гораздо больше 15 минут).

Эта стенограмма хранилась у Минца в сейфе, он “угощал” ею почетных гостей¹⁹⁴. Он вспоминал об этой поездке: “...перед наступлением под Москвой мы посетили командующего 5-й армии генерала Л.А. Говорова. Я его лично знал еще по Гражданской войне. Беседа происходила у него на командном пункте под непрерывным артогнем. Мне это немножко более привычно. А стенографистке А.И. Шамшиной совсем непривычно. А она записывала”¹⁹⁵.

Интересно, что в стенограмме зафиксированы вопросы Минца относительно указаний Сталина, и именно этим он “угощал” гостей Комиссии. В частности, Говоров описал совещание в Кремле, которое происходило 22–23 сентября 1941 г. и на котором обсуждались вопросы организации укрепленных районов Донбасса. Минц задал следующие уточняющие вопросы: “Правильно ли я Вас понял, что тов. Сталин считал Донецкий фронт самым важным? Где происходил прием? Какая была обстановка?”¹⁹⁶

Можно предположить, что Минц целенаправленно собирал сведения о деятельности Сталина как военачальника. Об этом свидетельствует такой

¹⁹³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 21. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁹⁴ Аудиозапись.

¹⁹⁵ Курносоев А.А. Встреча сотрудников... С. 317.

¹⁹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 21. Д. 1. Л. 4–5.

эпизод. 17 сентября 1943 г. по поручению зам. начальника ГлавПУ РККА И.В. Шикина он выехал на Северо-Западный фронт вместе с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Ф.Е. Боковым для участия в совещании политотделов армий и дивизий. “Тов. Боков стал рассказывать о работе т. Сталина. На стене у него висит стратегическая карта Европы. Именно по той карте дает свои стратегические указания Сталин. Черт возьми! У меня голова болит, а Боков к тому же рассказывает мало. Вот когда можно было получить детали ко всем своим догадкам о стратегическом руководстве Сталина. Но, увы! И тов. Боков крайне скуп в своих рассказах. Как будто чувствует, что я тороплюсь. Опять эта проклятая спешка. Но я заставляю его говорить! Тащить с собой стенографистку? Даже на частную беседу? Пожалуй, придется”¹⁹⁷.

К сожалению, собственно “опросник” для проведения бесед нами не был обнаружен, хотя в документах Комиссии упоминается разработанная Комиссией “примерная схема-опросник” для записи воспоминаний¹⁹⁸.

Однако при систематическом изучении стенограмм видно, что сотрудники Комиссии придерживались методики, подсказанной Минцем: практически каждый рассказ начинается автобиографией опрашиваемого (или фиксацией кратких сведений о нем). Как правило, далее следует рассказ обо всем боевом пути человека. Задавались вопросы относительно случаев трусости и героического поведения на войне, о восприятии врага, о каких-то самых ярких впечатлениях человека. Также в ходе опроса уделялось внимание роли партийных и комсомольских организаций в частях, работе комиссаров и политруков. Особо спрашивали о подвигах коммунистов и комсомольцев, о том, как изменялись люди после вступления в партию. Видно также, что в ходе опросов целенаправленно собирались сведения не только по истории боевых частей, но и по крупнейшим боевым операциям – обороне городов, наступательным операциям под Москвой, Сталинградом, Орлом, Кёнигсбергом, форсированию Днепра и т.д.

К концу 1942 г. окончательно сложилась методика интервьюирования участников событий войны. Она отражена в вышеупомянутой обобщенной Инструкции: “Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т.д.

а) Эту работу надо проводить по заранее намеченному плану. Рекомендуется сначала записать рассказ командира и нач. штаба для получения канвы, основы всех действий части. Затем по определенному плану записать особо отличившихся героев, бойцов, командиров и политработников, стараясь избежать повторений.

б) При рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест.

в) Не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего

¹⁹⁷ Минц И.И. Из памяти... С. 73, 75.

¹⁹⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 75. Упоминание относится к июлю 1942 г.

адреса, партийности и работы до войны. В отдельных случаях (в случае особого интереса) – биографию записать подробно.

Данную работу производить лучше всего с помощью стенографирования, а в случае отсутствия стенографистки, краткой записи от руки. Если позволит обстановка, следует запись прочитать рассказчику и подписаться ему. Надо указать, кто, когда и где произвел запись”¹⁹⁹.

Действительно, сотрудники Комиссии старались составлять предварительные планы стенографирования и сбора материалов в дивизиях, часто с представителями дивизий²⁰⁰. Это необходимо было делать, поскольку сроки командировок обычно ограничивались 1 месяцем (или менее).

Стенограммы бесед по просьбе Комиссии делались и силами политсостава или редакций фронтовых газет. Сотрудники Комиссии старались брать интервью и у тех солдат и офицеров, которые находились в Москве в отпусках, командировках или на лечении. Обычно они просили отделы кадров фронтов или госпитальное начальство разрешить им приходить в Комиссию для беседы, иногда на несколько дней. Например, в октябре 1942 г. просили Резерв начсостава инженерных войск командировать П.А. Покрышкина в Комиссию для записи рассказов по истории авиации “на 5 дней по 6 часов”²⁰¹. За эти беседы, в которых Покрышкин рассказал историю российской авиации 1910–1920-х годов, Комиссия просила вынести Покрышкину благодарность.

Но не всегда беседы проводились в мирных условиях. Чаще всего приходилось работать в очень сложной обстановке, о чем свидетельствует, например, письмо Минцу от политрука 201-й Латвийской стрелковой дивизии Голендера (?), написанное в конце декабря 1942 г.: «К сожалению, приходится извиниться за то, что мы полностью не сумели использовать присланную вами стенографистку тов. Бондаренко. Дело в том, что из-за порчи машины поездка из Москвы до расположения нашей дивизии продолжалась свыше пяти суток. Затем через пару дней мы получили приказ о передислокации. ... Кроме того, несомненно, что на малую продуктивность этой работы повлияло то, что мы заранее не подготовились к проведению такого важного мероприятия.

Нужно отметить исключительную энергию и добросовестное отношение к порученной работе со стороны тов. Бондаренко. Несмотря на то, что ей пришлось проделать очень утомительный путь на случайных машинах по скверным дорогам, несмотря на то, что в фронтовых условиях нам приходилось ломать все установленные нормы работы стенографисток, приходилось писать в самых неудобных положениях, без достаточного освещения, без столов и скамеек в темных землянках и на открытых лужайках, – тов. Бондаренко предъявляла нам лишь одно требование: “Давайте побольше работать, нельзя терять времени”. Тов. Бондаренко проявила большую неприхотливость и высокую сознательность”²⁰².

О том, как конкретно шла работа, можно судить по отчету, который представил майор П.М. Федосов на заседании Военного отдела 6 июня

¹⁹⁹ Там же. Д. 7. Л. 38.

²⁰⁰ Там же. Д. 24. Л. 114.

²⁰¹ Там же. Л. 118.

²⁰² Там же. Л. 155–155 об.

1944 г. о командировке в 60-ю армию²⁰³. Отчет об этой поездке был направлен к ГлавПУ РККА. Примечательно, что стенограммы проведенных бесед должны были образовать архив 60-й армии. Решено было также через Военно-исторический отдел запросить Генштаб и получить материалы по форсированию Днепра. Кроме того, нужно было, не откладывая, связаться с И.Д. Черняховским и согласовать с ним отбираемый для написания истории материал.

Набираясь опыта, сотрудники Комиссии пришли к выводу, что для качественного проведения интервью необходимо иметь некоторый объем знаний о предмете разговора. Так, Н.С. Трусова вспоминала: “Люди знали о событиях только частично, освещали их по-разному. Записи велись в беспокойной обстановке. Нужно было знать больше, чем говорил человек, или хотя бы общую обстановку”²⁰⁴.

В конце 1944 г., подводя итоги работы отдела Героев Советского Союза, сотрудники отмечали, что качество стенограмм значительно улучшилось, квалификация выросла. Лучшие стенограммы делала Р.И. Кроль. В.Л. Логинова умела быстро писать, поэтому сохраняла “колорит языка записываемого Героя”. Л.Д. Петров записывал только самое основное. “Б.Е. Корфини и А.П. Серцова не должны были проводить стенографирование, но проводили, так как Герои приходили, и отпускать их, не проведя беседы, было жаль, а научных сотрудников не хватало”. “Летом в отделе у нас было мало работников, а Героев приходило много. Чтобы не потерять Героя, мы, стараясь записать всех, пошли на запись от руки. И так как иногда от руки приходилось записывать двух-трех Героев в день, то это отражалось на качестве записи. И сейчас иногда приходится записывать по 3 беседы в день, так что проверять все эти записи просто не успеваешь”. Р.И. Кроль указывала: “Я делаю стенографирование на свой взгляд. Иногда я записываю Героя больше как военного человека, иногда – как человека вообще. Но всегда я стараюсь рассматривать Героя, прежде всего, как человека определенной эпохи. Я считаю, что молодые работники у нас ничему не научатся, так как они не с того начинают, с чего они должны были бы начинать. Они не сидели над материалами о Красной Армии, не держали в руках архивных документов, а взялись сразу за такое сложное дело, как собирание материала”. Она подчеркивала: “Я считаю, что мы должны совершенно четко записать подвиг и военные вопросы, но я считаю, что человек – это прежде всего. Я смотрю на Героя прежде всего как на человека советской эпохи [...] Материал для истории военных операций и роста военного мастерства и одновременно показ типичных черт советского человека – вот то, что должно быть целью при стенографировании”.

А.Я. Грунт уточнял: “Когда стенографируется Герой-командир, целью стенографирования должно быть военное искусство; когда стенографируется рядовой – эта цель может быть меньше достигнута, так как он рассказывает об операции, известной ему и происходящей на очень маленьком участке фронта, и в этом случае целью должен быть человек вообще, но операцию не надо забывать и в том, и в другом случае. Стенографирование,

²⁰³ Там же. Д. 3. Л. 10–10 об. Отчет см. наст. изд. С. 171–172.

²⁰⁴ Аудиозапись.

по-моему, складывается из трех элементов: 1) Герой, 2) ведущий беседу и 3) стенографистка. Элементы эти неравноценны. [...] Ведущий беседу является главным при стенографировании и должен быть активным и в том случае, когда Герой разговорчив. Необходимо направлять беседу. Все, кроме Петрова, страдают плохим знакомством с военным искусством. А это необходимо, так как иначе не сможешь руководить беседой. Бывает и так, что ведущему беседу все понятно в рассказе Героя, а стенографистка не понимает и искажает рассказ Героя [...] Вот, например, в стенограммах Петрова в каждом Герое чувствуется Петров. Нельзя настолько править стенограммы. Иногда кажется, что незачем записывать все повторения Героя и шероховатости и корявости его речи. А если очень исправлять стенограммы, то позже получается, что каждый Герой был грамотным человеком”.

А.Л. Сидоров настаивал на улучшении качества стенограмм: “Ведь даже такие сведения, как то, когда Герой стал Героем, есть не во всех стенограммах [...] Прошло больше трех лет войны, и нам пора военизироваться, т.е. быть квалифицированными в военных вопросах. По выступлениям товарищей видно, что не всем еще ясно, чем должна являться стенограмма и какие вопросы необходимы, а вот для работников военного отдела совершенно четко известно, что требуется от стенограмм и стенографирования. Я считаю, что стенограммы вовсе не должны обязательно отвечать на те вопросы, которые нам может задать ПУР, а вот показать рост человека от гражданской его профессии до его военной специальности нужно; нужно показать военный путь. Четко показывать в стенограмме, за что Герою присвоено это звание”²⁰⁵.

И.М. Разгон считал, что нельзя ограничиваться стенографированием лишь руководящих работников, необходимо собирать значительный массив интервью рабочих, крестьян, рядовых партизан. “Живых людей надо дать побольше”. Его поддерживала Р.И. Голубева, предлагавшая собирать материалы и от “обывателей” (Б.Е. Лихтер ей возражала: “Мы не записываем обывателей, мы записываем лиц, пострадавших от немецких оккупантов!”). Б.Е. Лихтер и Э.Б. Генкина, напротив, считали, что записывать нужно именно руководящих работников²⁰⁶.

А.В. Фохт написала инструкцию для составления истории научных учреждений и науки в целом в годы войны²⁰⁷. Также она занималась изучением московских предприятий в годы войны. Докладывая о своей работе в начале 1945 г., она сообщила, что она сначала прорабатывала литературу, а также архив предприятия, затем беседовала с руководством и составляла план опросов с учетом специфики предприятия. К беседам привлекала главных инженеров, секретарей парторганизации. Большие куски работы по сбору материалов Фохт поручала сотрудникам предприятия, при этом их постоянно консультируя. Что касается рабочих, то она подчеркивала, что к их “стенографированию следует тщательно готовиться, необходим индивидуализированный подход и предварительная подготовка”²⁰⁸.

²⁰⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 15. Л. 27–29.

²⁰⁶ Там же. Д. 4. Л. 2 об.

²⁰⁷ Там же. Д. 1. Л. 58–61.

²⁰⁸ Там же. Д. 4. Л. 1.

Важно отметить, что Минц не только считал стенограммы надежным источником, но и ценил их как таковые. В связи с этим он хотел публиковать стенограммы рассказов тех командующих и рядовых Красной армии, которых можно было расценить как активных участников боевых действий, героев.

Однако была опубликована только одна стенограмма – это запись беседы со знаменитым снайпером В.Г. Зайцевым, которая была проведена сотрудниками Комиссии в апреле и в августе 1943 г.²⁰⁹ В этой публикации, как в капле воды, отразились все черты эпохи, в которую приходилось жить и работать Минцу, его сотрудникам, их собеседникам. При сравнении рассказа для Комиссии и того, в каком виде он был издан, видно, что для публикации текст был значительно сокращен и отредактирован – и не только стилистически²¹⁰. Во-первых, был явно искажен подлинный характер и темперамент Зайцева (весьма самолюбивого и ценящего свои достижения человека, индивидуалиста). Также были сглажены некоторые его критические замечания, касавшиеся довоенной службы. Кроме того, в самом конце публикации был добавлен большой текст, который Зайцев не произносил, причем текст этот явно носит идеологический характер: «На улицах Сталинграда наши пропагандисты ставили так вопрос: “Хочешь жить – убей немца”; “Скажи, сколько ты убил немцев, а я скажу, какой ты патриот”. Истребление немецкой живой силы стало почетным делом; поэтому каждый красноармеец стал караулить немцев. Кто больше всех убил немцев, тот и был самый уважаемый человек среди бойцов. Агитатор капитан Ракитянский, любимец бойцов, сам сидел по суткам с винтовкой в руках и в окопах, и на крышах, поджидая фрица. Дождется, убьет его и снова сидит, дожидается другого. Вот это я понимаю – агитатор! Я убил двести сорок два немца, в том числе больше десяти вражеских снайперов, и всегда был уверен, что я хитрее и сильнее немца, что моя винтовка бьет точнее немецкой. Я всегда спокоен и поэтому никогда не боюсь немцев»²¹¹. Источник этого текста нам установить не удалось.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что архив Комиссии истории Великой Отечественной войны формировался целенаправленно для того, чтобы на его основе мог работать Институт Великой Отечественной войны. О том, какое значение Минц придавал архиву, свидетельствует тот факт, что летом 1942 г. он просил ГАУ прикомандировать для работы в Комиссии известного деятеля отечественного архивоведения В.В. Максакова “для организации всего дела хранения и использования материалов, поступивших в распоряжение Комиссии”²¹².

Сами сотрудники Комиссии практически не смогли воспользоваться плодами своих трудов. В 1942–1947 гг. на основании стенограмм сотру-

²⁰⁹ Там же. Раздел III. Оп. 5. Д. 4. Л. 17–28.

²¹⁰ *Зайцев В.Г.* Рассказ снайпера / ред. Е.Н. Герасимов. [М.]: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943. 20 с., илл., портр. (Герои Великой Отечественной). К тексту дано пояснение: “Стенографическая запись беседы Героя Советского Союза комсомольца Василия Зайцева в Комиссии по истории Великой отечественной войны”. Подписано в печать 11 октября 1943 г.

²¹¹ Там же. С. 19.

²¹² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 166.

ники Комиссии подготовили к публикации порядка полутора десятков работ о Великой Отечественной войне²¹³, но увидели свет лишь некоторые из них²¹⁴. (Правда, часть книг была в силу цензурных ограничений напечатана только для служебного использования членами политотделов дивизий. Однако не обходилось без курьезов. В частности, такая книга “В боях за Родину”, изданная Госполитиздатом, попала в книжный коллектор, а затем в общедоступные библиотеки²¹⁵.)

Несмотря на то что Институт Великой Отечественной войны создан не был, сотрудники Комиссии смогли выполнить задачу, стоявшую перед ними. Была создана подробнейшая хроника первых трех лет войны, собраны уникальные свидетельства очевидцев, написана история героев войны – как индивидуальные их портреты, так и коллективные, в рамках историй воинских частей (то же самое относится и к героям тыла, партизанского движения). В 1984 г. С.О. Шмидт на упоминавшейся встрече сотрудников Комиссии охарактеризовал ее как “грандиозное и плодотворное начинание”, как ценный источник по истории общественного сознания и идеологии. Минц отвечал ему, что публикация материалов Комиссии – дело будущего²¹⁶.

²¹³ Например, к лету–осени 1942 г. были подготовлены следующие книги: “История 1-й Гвардейской танковой бригады (Катукова)” (автор – Я.Л. Лившиц, 12 п.л.), “История 12-го Гвардейского истребительного авиаполка” (8 п.л.), “История дивизии народного ополчения Киевского района (173-й стрелковой) г. Москвы” (автор Б.Л. Маркус (Борис Львов), 12 п.л.), “В боях за Родину (сборник)” (также о 173-й стрелковой дивизии, автор Я.А. Кронрод – зам. редактора дивизионной газеты “Боевое знамя”), “Танкисты в боях за Москву (22-я и 23-я танковые бригады)” (автор А.Л. Минаев, 7 п.л.), “Батальон отважных (о знаменитом Особом батальоне Московского [военного] округа, прорвавшем оборону немцев под Малоярославцем)”; 1-й том сборника “Герои Советского Союза” – см.: НА ИРИ РАН. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 22; Д. 23. Л. 324, 345, 350; Д. 24. Л. 145. Также отметим диссертацию А.М. Ганюшкиной “За Родину, за Ленинград: Двадцать третья дивизия войск НКВД в Великой Отечественной войне”. К работе приложен отзыв профессора И.М. Разгона, датированный 1 ноября 1944 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 217. Д. 13). Отметим, что Яков Абрамович Кронрод (1912–1984) – известный отечественный экономист (о нем см.: Судьба ученого и трагедия науки: (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992; Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория. М., 1996; *Воейков М.И.* Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии: (к 100-летию со дня рождения) // *Terra Economics*. 2012. № 2. С. 54–65). Стенограмму беседы, проведенной с ним в Комиссии в мае 1943 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 3. Оп. 5. Д. 34.

²¹⁴ *Минц И.* Партизанская война против фашистских людоедов // ИЖ. 1941. № 9. С. 14–35; Ясная Поляна: Статьи и документы. М., 1942; Мы слышали Сталина. 6–7 ноября 1941 г.: Сборник. М., 1942 (Комиссия по истории Великой Отечественной войны); *Минц И.И.* Документы Великой Отечественной войны, их собирание и хранение // Восемьдесят лет на службе науки и культуры нашей Родины. М., 1943. С. 135–150. В эту статью Минц включил сведения из стенограмм бесед с подмосковными партизанами; *Генкина Э.* Героический Сталинград. М., 1943; *Федосов П.* Рождение первой гвардейской мотострелковой дивизии // ИЖ. 1943. № 1. С. 26–39; *Лухтер В.* Колхоз в Великой Отечественной войне: (Колхоз им. Сталина Кургалинского района Алма-Атинской области Казахской ССР) // Там же. 1944. № 1. С. 30–38; *Белецкий П.И.* Партизаны Московской области в обороне Москвы: (Из материалов по истории Великой Отечественной войны) // Вестник АН СССР. 1947. № 9. С. 106–117; *Лившиц Н.Л.* Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву. М., 1948.

²¹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 195.

²¹⁶ Аудиозапись.

Полагаем, что теперь это время настало, подлинные свидетельства о войне все больше и больше становятся востребованными, интерес к ним растет. Рассказы собеседников Комиссии создали правдивый портрет целого поколения. Благодаря работе И.И. Минца и его соратников мы сможем понять, как эти люди выжили и победили.

Приложение

Протокол № 1

Заседания Комиссии по^{*} составлению хроники отечественной войны
(Оборона Москвы)

11 декабря 1941 г.

Присутствовали: тт. Александров – пред. Комиссии, Кузнецов (РККА), Гракин (секретарь МК), Пospelов (ред. “Правды”), Минц – зам. пред. Комиссии, Юдин (зав. ОГИЗом), Поздеев (зав. отделом пропаганды МК), Городецкий.

Слушали:

1. О плане работ Комиссии (Доклад т. Минц).

Постановили:

1. План работ утвердить.

2. Создать при Президиуме Ак[адемии] наук научно-исследовательский аппарат, на который возложить подбор и систематизацию материалов по истории отечественной войны (Оборона Москвы), и прежде всего составление хроники^{1*} на каждый день^{1*}.

3. Создать при райкомах ВКП(б) города Москвы и области^{2*} районные комиссии по составлению хроники обороны Москвы на каждый день и собиранию материалов по истории отечественной войны^{2*}.

Возложить на^{3*} районные комиссии^{3*} ^{4*}составление хроники на каждый день, подбор^{4*} материала, отражающего ход обороны Москвы, деятельность парторганизаций, боевую работу в районах, культ[урно]-бытовую жизнь и т.п.

Считать необходимым выделить на крупных предприятиях уполномоченных районных комиссий.

4. Для собирания и обработки^{5*} материалов и составления хроники^{5*} подобрать группу примерно в 20 научных сотрудников, которым немедленно приступить к организации сбора материала и помощи работе районных комиссий.

5. Поручить т.т. Гракину и Поздееву организовать работу районных^{6*} комиссий и ^{7*}уполномоченных Комиссии на заводах и в учреждениях^{7*}.

6. У т. Кузнецова^{8*} (Главное Политическое Управление РККА)^{9*} сбор фронто-

^{*} Далее зачеркнуто: изданию Летописи

^{1*-1*} Вписано от руки.

^{2*-2*} Вместо зачеркнутого: группы содействия изданию “Летописи отечественной войны”

^{3*-3*} Далее вместо зачеркнутого: группы содействия задачу

^{4*-4*} Вписано от руки.

^{5*-5*} Вписано от руки.

^{6*} Вписано от руки.

^{7*-7*} Вписано от руки.

^{8*} Далее зачеркнуто: организовать при

^{9*} Далее зачеркнуто: группу сотрудников по

вых, армейских и дивизионных газет, брошюр, листовок^{10*}, материал из политсводок и политдонесений^{11*}.

7. Предложить Комитету по делам кинематографии и редакциям центральных газет сдавать в Комиссию все копии фотоснимков, весь материал по истории обороны Москвы, в том числе записи корреспондентов, поступившие в газеты.

8. Комитету по делам кинематографии выделить в распоряжение комиссии группу кинооператоров для фотографирования всех мест, связанных с обороной Москвы.

9. Т.т. Поспелову и Ровинскому^{12*} использовать для собирания материала (о боевой жизни и деятельности частей, запись героев обороны Москвы, записи рассказов и бесед пострадавших от фашистских зверств и т.п.) свою корреспондентскую сеть.

10. Поручить т. Минцу связаться с Союзом художников, собрать все плакаты, все окна ТАСС. Наметить группу художников для зарисовки отдельных эпизодов истории обороны Москвы.

11. Считать необходимым восстановление деятельности Музея по истории и реконструкции города Москвы.

Председатель Комиссии: *(подпись)* Александров
^{13*}Зам. председателя Комиссии *(подпись)* Минц^{13*}

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2. Черновик.

Машинопись с правкой. Подпись И.И. Минц – автограф синими чернилами.

^{10*} Далее зачеркнуто: по отбору

^{11*} Далее абзац и зачеркнуто: Материал собирать через политаппарат частей.

^{12*} Далее зачеркнуто: широко

^{13*–13*} Вписано от руки.